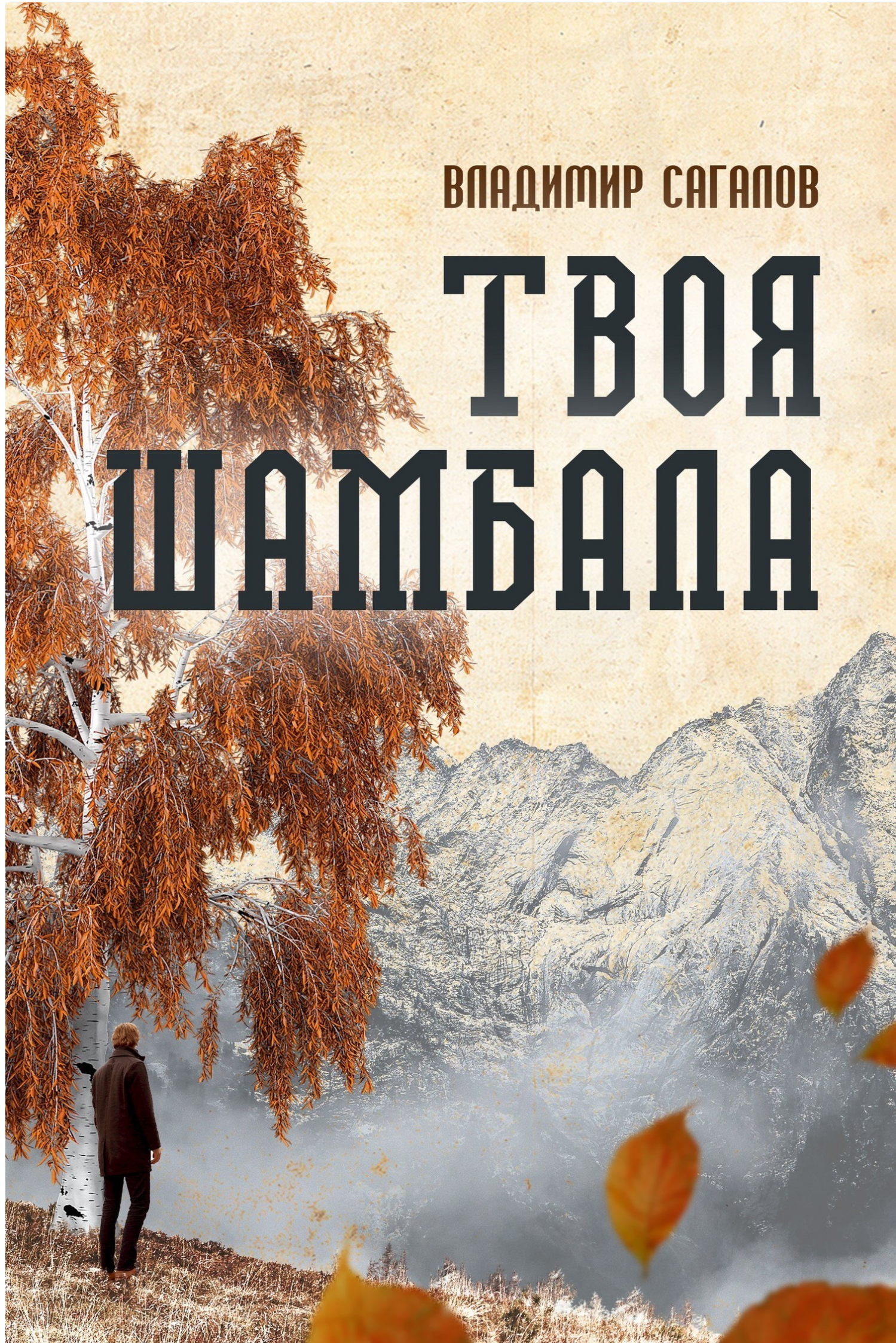

ВЛАДИМИР САГАЛОВ

ТВОЯ ШАМБАЛА

Владимир Сагалов

Твоя Шамбала

«Буквально»

2019

Сагалов В.

Твоя Шамбала / В. Сагалов — «Буквально», 2019

ISBN 978-5-9965-0214-1

Как найти свою Шамбалу?.. Эта книга – роман-размышление о смысле жизни и пособие для тех, кто хочет обрести внутри себя мир добра и любви. В историю швейцарского бизнесмена Штефана, приехавшего в Россию, гармонично вплетается повествование о деде Штефана, Георге, который в свое время покинул Германию и нашел новую родину на Алтае. В жизни героев романа происходят пугающие события, которые в то же время вынуждают их посмотреть на окружающий мир по-новому и переосмыслить библейскую мудрость-притчу о «тесных и широких вратах». Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9965-0214-1

© Сагалов В., 2019

© Буквально, 2019

Содержание

Пролог	6
1	8
2	17
3	20
4	25
5	28
6	32
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Сагалов

Твоя Шамбала

© Владимир Сагалов, 2019

© «Буквально», 2019

* * *

Лета 7527

Пролог

Рассвет только-только перебросил солнце через подоконник, и оно пролилось по комнате до кровати, но ещё не взобралось по свисающему одеялу наверх. Габриэла ещё спала. «Какая ты красивая, Габи!» Одетый и собранный для отъезда, он тихо стоял у кровати и любовался женой, с которой провёл свою последнюю ночь перед отъездом на очень долгое время, а возможно, и навсегда. Он горел нежным желанием прикоснуться к ней и погладить бархатную, румяную от сна щеку своей любимой, но не хотел её будить. Уйти он решил не прощаясь.

Он тихонько вышел из спальни и так же тихо прикрыл за собой дверь. Конечно, мысль больше никогда не увидеть любимую женщину будоражила всё его нутро, и теперь, прикрыв глаза, прислонившись спиной к двери спальни, он стоял и, сдерживая нагнетающуюся в горле горечь, думал о том, что он в последний раз видел любимую Габи.

Георг вспоминал вчерашний вечер, когда они честно обсудили их отношения, которым, по предложению Габриэлы, пришло время завершиться, а также чудную, незабываемую ночь, в которой они обменялись энергиями земли и солнца, отдав друг другу все оставшиеся чувства. Простояв так некоторое время, он по-мужски успокоил себя и подошёл к рабочему столу, на котором лежали кое-какие документы, и ещё имелось немного времени, чтобы просмотреть то, что он, возможно, навсегда оставляет здесь. Сев в своё рабочее кресло и оглядев бумаги, которыми был завален стол, он взглянул на часы; опоздание было непозволительно, но времени имелось ещё достаточно. Не отрывая взгляда от циферблата, он задумался о ближайшем будущем, и изменить его он уже не мог.

Поездка, в которую он должен будет отправиться через час, имела, как и многие события в жизни людей, две стороны медали. Одна сторона притягивала его любопытный ум историка – жаждой познания, которая была присуща ему с юности. Георг впитывал в себя любую информацию, касающуюся глубинных культур восточных этносов, и закончил историко-археологический факультет престижного европейского университета. Но другая сторона медали, которая являлась причиной его отъезда, несла внутреннее отторжение. Он даже не мог предположить, кто из высоких чинов СС мог заинтересоваться молодым учёным-историком, и куда, по велению того же СС, через неполный час увезут его, Георга Хайденкампа, в неизвестном направлении и на неизвестно какое время.

Предчувствие дальней и, возможно, опасной экспедиции привело его в состояние точки невозврата. Поэтому он спокойно и осознанно перебирал свои работы – наброски мыслей по когда-то начатым историческим проектам. В его руки попала старая Библия, которую он несколько лет назад получил от своего дяди. В книге имелось множество закладок, подчёркнутых слов, предложений и выделенных страниц. Многие заметки сделал ещё дядя и при передаче книги Георгу просил обратить на них особое внимание.

Он подержал её в руках, разглядывая старинную и уже потёртую оплётку, погладил её. Аккуратно раскрыв на первой попавшейся странице, отделённой закладкой, прочёл обведённый карандашом стих: «И дал Я вам землю, над которой ты не трудился, и города, которых вы не строили, и вы живёте в них, из виноградных и масличных садов, которых вы не насажали, вы едите плоды». «Итак, бойтесь Господа и служите ему в чистоте и искренности; отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте, а служите Господу». Он перелистнул несколько страниц, затем ещё. Закладок было невероятное количество, и большая часть была оставлена им самим при изучении книги. Она стала для него началом понимания структур управления человеческим духом, повергнув его в шок, но дав сильнейший толчок к поиску познания истины в природе и обществе, в историческом и, как следствие, в современном мире.

Он медленно откинулся в кресле, чтобы оно не закрипело, и на прощание внимательно, будто фотографируя на память, оглядел комнату. Затем, посмотрев на приготовленную для

отъезда сумку, стоящую рядом на стуле, раскрыл её и вынул из неё свёрток. Раздумывая некоторое время и глядя то на Библию, то на свёрток, принял решение и развернул его. В нём лежала завёрнутая в старые, высохшие от времени газеты тетрадь, на которую он положил толстую старинную Книгу книг, завернул и вновь положил свёрток в сумку. Он очень переживал за две эти вещи, не зная, сможет ли сохранить их в этой, покрытой туманом неизвестности поездке, но оставить их здесь он не мог. Инструкция гласила – брать только самое необходимое. Пробежавшись по столу, его взгляд остановился на небольшой книжке, которую он получил от своего старого и бесследно исчезнувшего друга. «Арктическая родина в Ведах» – прочёл он название книги и, взяв несколько газет, плотно завернул её, обвязал тесьмой и также положил в сумку. Поглядев на часы, затем в окно, он встал, оправился, глубоко вздохнув, и, подойдя к двери, за которой спала Габриэла, молча постоял некоторое время. Что-то говорило ему: «Она уже не спит и так же, не попрощавшись, ждёт твоего ухода». Он поднёс пальцы правой руки к губам и, оставив на них поцелуй, приложил их к двери, за которой находилась любимая женщина, вспоминая их прошлые пламенные поцелуи. «Счастья тебе, на всю твою жизнь», – прошептал он, взял походную сумку, вышел, не взяв ключи, и тихо прикрыл за собой дверь.

За спиной щёлкнул замок двери. Георг ещё раз обернулся, оглядел дверную ручку и замочную скважину. Он знал, что больше не вернётся в этот дом, но не знал, что с прощальным щелчком дверного замка был включён механизм времени, была запущена вселенская программа, которая через много лет всё расставит на свои места.

1

После приземления самолёта из Берна в московском аэропорту прошло уже около полу-часа, и первые пассажиры начали выходить в зону ожидания для встречающих. Рейс был не полный, а пассажиры являлись в основном командированными менеджерами, предпринимателями или банкирами, прилетавшими в Россию для налаживания деловых контактов, подписания договоров и сделок. Так же были и те, кто возвращался домой в Россию, побывав по тем же причинам в Европе. Частных лиц и туристов было совсем мало. Выходившие из-за матового стекла пограничной зоны пассажиров встречали в основном лично партнёры по бизнесу, иногда в присутствии переводчика, а некоторых встречали присланные водители, которые стояли с табличками и вглядывались в незнакомые лица в надежде, что их встречаемый – именно тот, кто выходит из-за стеклянной перегородки. На табличках были написаны имя встречаемого, название фирмы либо особое слово-пароль. Поэтому встречающие напряжённо вглядывались в лица прилетевших, пытаясь по взгляду и поведению опознать «своего».

Среди прилетевших был швейцарец в возрасте около сорока лет, который посещал Россию уже не первый раз. Во время его прошлых прилётов в Россию он так же, как и прибывшие с ним пассажиры, был лично встречен своим партнёром по бизнесу. Они так же, улыбкой и крепким рукопожатием, приветствовали друг друга, интересовались тем, как прошёл полёт, задавали многие стандартные вопросы, которые возникают в подобных ситуациях, и под такого рода диалог спешили выбраться из большого суетного здания, направляясь к незаконно, у самого входа запаркованному автомобилю.

О том, были ли все эти эмоциональные рукопожатия, улыбки, вопросы и ответы искренними, догадаться не сложно, и можно об этом порассуждать, но не это сейчас интересно. Более интересным является факт прибытия предпринимателя из Швейцарии, банкира Штефана Вагнера в Россию совсем в ином качестве. В этот раз его никто не встречал, да и не должен был встречать. В этот раз всё было по-другому. Вместо представительного, шикарного костюма, на что господин Вагнер при деловых, прежде всего международных, встречах обращал особое внимание, на нём были простые джинсы и футболка. На ногах вместо чёрных, лакированных и, как он любил, с острыми носами ботинок были обычные, лёгкие и удобные для долгой ходьбы мокасины. Как и многие другие люди, господин Вагнер имел свой талисман, которому во время деловых встреч нередко давал специально выглядывать из-под манжеты белой рубашки. Он носил любимые золотые часы, подаренные ему бабушкой на двадцатипятилетие. И он был уверен, что именно эти часы приносят ему удачу в заключении многих деловых сделок. Но и часов этих он в этот раз не имел.

В руке он держал небольшую спортивную сумку, в которой лежала лёгкая куртка, несколько сменных вещей, бутылка с водой и карта России. В этот раз он прибыл в Россию не по делам его фирмы, но и не как турист. Это было чётко заметно на его лице и во взгляде, которые выдавали лёгкое волнение и растерянность. Он практически не говорил на русском языке, но всё же не планировал приобрести переводчика для дальнейшего пути по этой огромной стране. Впервые за последние пятнадцать лет он прибыл за границу, где ему в одиночку предстоял ещё очень длинный путь, на котором он решил полагаться только на себя. Он взял такси и на ломаном русском языке произнёс таксисту заученную фразу: «Казанский вокзал, пожалуйста». Хотя таксист сам был не русский, но понял, куда ему нужно возить пассажира. Дорога длилась около часа, и таксист, весёлый парень, несколько раз пытался завязать разговор с иностранцем, но безуспешно. Таксист очень плохо говорил на русском, и поэтому господин Вагнер, вообще не понимая, что ему говорил водитель, автоматически переспрашивал на английском, но водитель, не понимая английского, переспрашивал вновь на очень ломаном

русском. Так, весело пообщавшись и при этом довольно быстро доехав почти до места назначения, они за полкилометра до вокзала попали в пробку.

Было видно, что машины стояли уже дольше десяти минут, так как многие водители вышли из машин, курили и разговаривали. Кто-то пытался развернуться и выехать из пробки против движения, кто-то залез на порог машины для того чтобы разглядеть, есть ли продвижение вперёд, а таксист, который вёз Вагнера, спокойно сидел и наблюдал за набегающей суммой денег на счётчике. У господина Вагнера был куплен билет на поезд, который через пятьдесят пять минут уходил с Казанского вокзала в Бийск, поэтому он начал переживать, успеют ли они вовремя добраться до вокзала. Он пытался на английском и на немецком языках объяснить водителю, что может опоздать на поезд, и тот наконец понял, но, указав на стоящие вокруг машины, дал понять своему пассажиру, что не может ничего поделать.

Сама поездка на поезде по России не являлась целью визита гостя, но перед прибытием он навёл справки о российских железных дорогах и теперь знал, что бывают многодневные поездки в спальных купе, что проводники кипятят воду и предлагают чай. Прожив всю жизнь в такой маленькой стране, как Швейцария, он никогда не передвигался колёсным транспортом на расстояние дальше тысячи километров. Поэтому эта поездка в Бийск, которая должна будет длиться два дня и четырнадцать часов – несмотря на то, что он не мог себе представить, как такое длительное время находиться в закрытом пространстве, – была для него чем-то абсолютно новым и даже романтическим.

Перед такси, в котором сидел Вагнер, стоял туристический автобус, из которого вышли двое мужчин и одна женщина. Через лобовое стекло такси Вагнер наблюдал за тем, как они что-то интенсивно обсуждали, так же, как и он сам, глядели на часы и обращались к кому-то в автобусе. Вагнер уже не мог спокойно сидеть и решил выйти из такси. Таксист последовал его примеру и, встав у машины, указал рукой вперёд, на здание вокзала, которое было хорошо видно благодаря шпилю основной вокзальной башни, примерно в полукилометре от них. Услышав разговор пассажиров автобуса, которые собирали выходивших из автобуса школьников в шеренгу по двое, водитель такси понял, что они также движутся к вокзалу и собираются добираться до него пешком. Он тут же повернулся к своему пассажиру и, указав на автобус, прошёлся по крыше своего такси двумя, указательным и средним пальцами, дав понять: «Те идут пешком, и тебе лучше делать то же самое, если не хочешь опоздать на свой поезд». Затем, отвернувшись в сторону, сказал сам себе: «Чё не летит самолётом, иностранец, денег полно». Вагнер тут же расплатился за поездку, принял из рук водителя свою спортивную сумку, на всякий случай заглянул в неё и проверил сохранность содержимого, вышел на тротуар и двинулся в указанном направлении, стараясь не отставать от группы школьников. В десятке метров перед ним трое сопровождающих-преподавателей, быстро организовав двадцать пять десятиклассников из средней школы № 3 города Бийска, вели их к вокзалу. После поездки по Золотому кольцу с заключительным трёхдневным пребыванием в столице они также шли на Казанский вокзал, от которого через неполный час в направлении Алтая, в город Бийск должен будет отойти их поезд.

Вагнер не имел понятия о том, как организованы на российских вокзалах пути и перроны, а ещё его слегка беспокоило то, что, возможно, он не сможет понять объявление о прибытии его поезда и поэтому прибавил шагу для того, чтобы выиграть немного времени на поиск нужного ему поезда и вагона. Он обогнал группу школьников, и один из сопровождающих, подбадривая лёгкой армейской ноткой, громко заголосил:

– Так, ребята, подтянулись и быстрее, пожалуйста, быстрее двигаем ножками. Поезд ждать не будет.

И весь туротряд, как одно целое, прибавив ходу, вновь догнал оторвавшегося от них Вагнера. Хотя ни школьники, ни господин Вагнер не бежали наперегонки, но к вокзалу они подошли одновременно. У входа в здание вокзала сопровождающий педагог-мужчина вышел

вперёд и громко, чтобы услышали все, и даже те, кто о чём-то друг с другом увлечённо беседовали, произнёс:

– Ребята, по вокзалу не разбредаемся, держимся так же вместе и движемся за мной к поезду. Он уже должен стоять на четвёртом пути. Те, кто хочет в туалет, поднимите руки.

Все девочки враз подняли руки и начали жаловаться на то, что они уже не могут терпеть и что они ещё в автобусе сильно хотели.

– Ну хорошо, – пошёл навстречу сопровождающий, – девочки, быстренько с Верой Николаевной, а парни с Сергеем Павловичем идут в туалеты, остальные, кому не надо, вместе со мной к поезду. Руки не забудьте помыть, и затем быстро к поезду. Да что я с вами как с пятиклассниками. Десятый класс уже, сами всё должны соображать. Всё, вперёд.

Группа вбежала в здание и разошлась в трёх направлениях.

Здрав голову, Вагнер стоял у большого табло – расписания поездов – и, сверяя буквы и цифры, пытался найти свой поезд для того, чтобы определить номер платформы, с которой он будет отправляться. По-русски он мог прочесть название города Москва, но вот Бийск... хотя он в этом городе уже бывал, но никогда не обращал внимания на написание названия города. Буква за буквой, он сверял написанное в билете и на табло. Он с большим облегчением вздохнул, когда, увидев на табло номер поезда 096 и время отправления 13:19, понял, что то слово, которое он так и не смог осилить, означало Бийск и поезд стоит на четвёртом пути. Внезапно с двух сторон его шумно обступили те же школьники. Поглядев на табло, перебивая друг друга, прочли номер перрона и, обращаясь к сопровождающему, уже почти хором, в голос: «Сергей Павлович, вон он, третий сверху – Бийск, 13:19, стоит на четвёртом пути» – и они быстро пошли на посадку оставив Вагнера стоять. Невольно подслушав разговор детей на непонятном ему языке, он всё же понял, что они так же едут в Бийск и ему нужен тот же поезд, вновь поспешил за тургруппой к поезду.

Господин Вагнер прошёл состав, взглядываясь в номера вагонов. Найдя свой, третий от головы поезда, попытался открыть дверь, чтобы войти в вагон, но дверь не подалась. «Гешлоссен?» – вопросительно проговорил про себя Вагнер, не понимая, почему дверь поезда, который вот-вот должен отправиться, закрыта и не открывается. Он поглядел влево и увидел человека в железнодорожной форме, стоящего у передней двери вагона и показывающего рукой в открытую дверь. Рядом стояли ещё несколько пассажиров с чемоданами. Вагнер направился к проводнику и на ходу заглядывал в окна купе, в которых благоустраивались для длительной поездки пассажиры. Несколько окон подряд показали ему всё тех же школьников, которые, по-детски суматошно споря друг с другом, делили места. Подойдя к открытой двери, у которой курил проводник, Вагнер предъявил ему свой билет, на что тот сухо поблагодарил его и так же сухо и преспокойно добавил:

– Вы подождите, пожалуйста, здесь минуты три или четыре. Мой коллега усаживает школьников, а то вы сейчас всё равно не проберётесь к вашему купе. Они там весь проход багажом забаррикадировали, сейчас разгребутся, и потом пройдёте.

Не поняв ни слова, Вагнер поблагодарил проводника, сказав ему «спасибо», и, всё ещё глядя на него, боком вошёл в тамбур вагона.

– Мужчина, я ведь попросил вас подождать несколько минут, пока школьники не усядутся, видите ведь, – указывая на стоявших рядом пассажиров, по-прежнему сухо окликнул Вагнера проводник, – люди ждут стоят, так что торопиться не нужно, все сядут, и без вас никто никуда не уедет.

В этот же момент из вагона в тамбур выскочил мужчина и, обходя Вагнера, начал разговор с проводником:

– Спасибо вам большое, мы всё уже, все уселись. Можете запускать оставшихся пассажиров.

Господин Вагнер в этот момент решил вернуться к проводнику, поняв, что он что-то сделал не так, но не понимал, что. Получилось так, что, поворачиваясь в узком тамбуре к выходу, он неаккуратно столкнулся с вышедшим мужчиной, в котором теперь узнал сопровождающего группы школьников. Тот же, в свою очередь, посчитал себя виновным в этом небольшом казусе, и они одновременно извинились друг перед другом. Несколько разволновавшись от того, что с проводником получилось что-то непонятное, да ещё это суматошное столкновение в тамбуре, Вагнер на мгновение забыл на русском слово «извините» и произнёс на немецком: «Ooo, verzeihen Sie mir bitte!» Он вышел из вагона и, повернувшись к проводнику, теперь уже по-русски, в оправдательном тоне сказал:

– Извините, но я не хорошо понимать русский.

На что проводник ответил:

– Теперь можете проходить в вагон и занимать купе. Уже всё в порядке. Немец, что ли?

Мужчина, с которым он столкнулся, также вышел из вагона, так как хотел обратиться к господину Вагнеру, тем самым дав оставшимся пассажирам без толчеи пройти в вагон. Вновь не поняв, что ему наговорил проводник, Вагнер стоял в замешательстве, глядя, как другие пассажиры почему-то проходят в вагон и к ним нет никаких претензий. Тут в ситуацию вмешался сопровождающий, обратившись к Вагнеру на немецком:

– Вы говорите на немецком, вы немец?

Вагнер от радости чуть не подпрыгнул:

– Вы говорите на немецком? Какая радость! Может, вы переведёте то, что говорит мне наш проводник, а то я не понимаю русский, тем более, когда говорят быстро?

– Да, конечно же, я постараюсь. Мой немецкий не такой уж блестящий, практики разговорной практически нет.

Мужчина объяснил иностранцу суть проблемы, которая вовсе не была проблемой, и Вагнер, слегка покраснев от смущения, обратился к проводнику с извинением, на что тот вновь своим преспокойным голосом ответил:

– Да господа, какие проблемы. Заходим, всё, ехать надо.

Все вошли в вагон и, двигаясь по проходу, говоривший на немецком мужчина спросил:

– Какое у вас купе? Нужно будет встретиться, пообщаться.

Вагнер не успел ответить, как проводник перебил их.

– Кстати, он едет с вами в одном купе, – обратился он к немецко-говорящему сопровождающему. – Так что можете с ним пошпирекать там, а то, представляете, два дня не с кем поговорить.

Двери нескольких купе открылись, и из них высунулись детские головы, с недоумевающими улыбками глядящие на их сопровождающего. Поняв, что дети услышали его, говорящего на немецком, и решили убедиться в том, что это был действительно их учитель, улыбаясь, он ответил на молча заданный ими вопрос:

– Да, вот видите, это действительно я говорю на немецком. А вы не верили, что я могу больше, чем позволяет школьная программа? Вот, будете хорошо учиться, и вы тоже сможете так же общаться на разных иностранных языках. А если этот господин не будет против, то вы сможете и с ним потренироваться в разговоре. Я имею в виду тех, кто изучает немецкий. Он едет в нашем купе. Ну, а теперь давайте по местам и книжки читайте, чтобы по поезду не лазили без дела.

Затем он обратился к новому иностранному знакомому:

– Проводник сказал, что вы едете в одном купе со мной и моими двумя коллегами.

– Вот мой билет, не пойму, если честно, где в нём указан номер моего места?! – протянув свой билет собеседнику, вопросительно проговорил господин Вагнер.

– Да-да, всё правильно, пятое купе, как и сказал проводник, едете с нами, – отвечая, сопровождающий надавил ручку двери купе, и дверь откатилась в сторону. – Вот наша общая «комната», в которой нам предстоит провести два следующих дня.

И, пригласив рукой гостя войти, обратился к своему коллеге, который только закончил переодеваться в типичную для поездок в поездах одежду – спортивные штаны и футболку:

– Сергей Павлович, познакомься, это четвёртый пассажир нашего купе. Он иностранец, не говорит на русском, только на немецком.

– А на английском, что, не может? – сходу пошутил Сергей Павлович.

– А тебе-то что английский? Ты на нём всё равно не бельмеса, – встречно пошутил стоящий в проёме двери переводчик.

– Ну, здравствуйте, господин, – протягивая свою большую крепкую руку, на немецком обратился к иностранцу Сергей Павлович. – Сергей, их хайсе Сергей.

– Штефан Вагнер, меня зовут Штефан Вагнер. Я из Швайц. Эээ, Швейцария, – на русском, пусть с некоторыми ошибками, но в общем неплохо ответил господин Вагнер. Но не решился сразу подать руку абсолютно до сих пор не знакомому человеку. Он оглядел обоих мужчин в купе, не понимая, почему обязательно нужно подавать руку. Это было для него слишком лично. Хотя, тут же решив, что находится не в своей стране и, возможно, здесь так принято, протянул свою руку и постарался сдержать крепкое рукопожатие спортсмена и учителя физкультуры.

– Ну, что сказать? Добро пожаловать, Штефан! Переводи давай, – тут же озадачил своего коллегу Сергей.

– Вы тоже хорошо говорите на немецком! – обратился к нему Штефан.

– Кто, я? Да не, я вообще не могу, вот только два слова, «их хайсе» и всё, – невзирая на то, что собеседник ничего не понял, на русском выпалил Сергей.

– Мой коллега сказал, что он только одно предложение на немецком знает, и ещё он сказал, что вы у нас «херцлих вилькомкен», – взглянув на Сергея, быстро, полушёпотом сказал ему переводчик: «Это я про твоё «добро пожаловать» перевёл. – Да, совсем забыл представиться. Меня зовут Виктор. Я, Сергей и ещё одна сопровождающая, с которой вам также предстоит познакомиться, мы преподаватели. Возили группу школьников по Золотому кольцу России, теперь возвращаемся домой, в Бийск.

В этот раз Штефан первым протянул руку и представился, в свою очередь:

– Штефан Вагнер. Мне очень приятно, и я очень рад, что встретил вас в этом поезде, да ещё и говорящего на моём языке.

– Можно, мы будем обращаться к вам просто по имени? Просто Штефан, – пояснил вопрос Виктор, на что тут же получил положительный ответ:

– Да-да, конечно, просто Штефан, конечно.

Из соседнего купе через стенку всё время доносился громкий разговор и девичий смех. Было хорошо слышно, как девочки закатываются смехом от чьих-то рассказов. Всё ещё стоявший в проёме открытой двери Виктор спросил у Сергея: «Что там Вера им такого рассказывает?» В тот же момент из соседнего купе вышла третья сопровождающая, а вслед за ней в проход вытек поток звонкого смеха и девичьи уговоры наперебой; «Вера Николаевна, ну расскажите, что дальше было! Ну пожалуйста!» Она обернулась и, закрывая дверь, так же смеясь, слегка успокоила девочек и пообещала, что зайдёт к ним ещё разок перед сном и расскажет историю до конца. Посоветовала им вести себя в поезде поспокойнее, громко не смеяться и переодеться в удобные вещи. Прикрыла дверь купе и повернулась к Виктору.

– У нас четвёртый пассажир! – обратился Виктор к Вере, которая, будучи ему замечательной женой, была ещё и очень хорошей коллегой.

– Кто? Мужчина или женщина? – шёпотом спросила Вера.

– Иностранец, из Швейцарии. Я с ним уже по-немецки поговорил.

Вера заглянула в купе, и Виктор познакомил её со Штефаном.

– Штефан, познакомься, это Вера – наша третья сопровождающая и моя жена.

Они также пожали руки, и Штефан хотел сказать, как это хорошо, когда супруги занимаются одним интересным делом, как в этот момент поезд, слегка качнувшись, плавно тронулся, и началось железнодорожное путешествие Штефана по России, которое он позже повторит не один раз. После знакомства посыпались вопросы от Веры, кто он, куда едет и т. д. Извинившись, Виктор перебил свою жену и предложил всем выйти в коридор для того, чтобы иностранец мог спокойно переодеться в лёгкую одежду. Проявив женскую инициативу, Вера пошла к проводнику узнать, как скоро можно получить чай, а Виктор с Сергеем стояли в проходе и глядели, прощаясь с Москвой, в окно. По неопытности Штефан не предусмотрел того момента, что в поезде удобнее ехать в лёгкой, удобной одежде, и, к его сожалению, он взял с собой только запасные джинсы. Поэтому, оставшись в купе один, он присел на диван, придвинулся к окну и, раздвинув занавески так же, как Виктор с Сергеем, только с противоположной стороны вагона, стал глядеть вслед уплывающей вдаль Москве. За дверью раздался разговор Веры с коллегами и, постучав в дверь, Виктор поинтересовался, можно ли войти.

– Да, конечно же, входите, я даже не переодевался. Я как-то не подумал взять с собой трико, поэтому буду так, в джинсах.

Поняв без перевода, что парню два дня придётся париться в толстых и жёстких штанах, Сергей молча вытащил свою сумку и, вынув из неё ещё упакованные, новые спортивные брюки, протянул их Штефану.

– На, надевай, битте. Они новые ещё, так что не брезгуй.

Виктор тут же перевёл сказанное Сергеем, но Штефан наотрез отказался принимать одежду, покраснел и стал себя неловко чувствовать.

– Вы только не обижайтесь, но не нужно, это лишнее. Я так нормально себя чувствую, в джинсах.

– Да нет никаких проблем, – спокойно ответил Виктор. – Не переживайте вы так. Сергей вам просто предложил возможность. Не хотите, тоже хорошо. Ну, а если позже, вечером или вообще, решитесь переодеться, то знаете, что эти спортивные брюки лежат вот здесь, на полке. Можете их спокойно взять и переодеться.

Вера в это время накрывала на стол, вытаскивая из большой сумки батон, консервы, пачки с соком и, конечно же, жареную курицу. Раздала каждому по тарелке и послала мужиков мыть руки перед трапезой. Виктор предложил Штефану пойти с ними мыть руки, на что тот очень охотно согласился. Когда они вернулись в купе, стол был накрыт. Все расселись у стола, за окном пропали из виду последние напоминания о Москве и мелькали деревья. Штефана посадили к окну, и Сергей, сидевший с ним рядом, предложил наконец-то начать трапезу.

Потирая руки и аппетитно облизываясь – для смеху, конечно, – Сергей произнёс:

– Откушаем за знакомство! Переводи давай, – обратился он к Виктору. – Штефан, налетайте, и приятного вам аппетита!

Штефан вновь почувствовал себя не в своей тарелке и ответил:

– Нет-нет, я не буду. Большое спасибо вам, конечно, но мне как-то неудобно. Вы покушайте спокойно, на меня не обращайтесь внимания.

Он привстал и, поглядев на Сергея, взглядом попросил дать ему пройти для того, чтобы выйти в коридор и не мешать людям кушать.

– Момент! – с очень доброй улыбкой сказал Штефану Сергей и сделал руками движение, которое означало «сядь пожалуйста и послушай».

– Переводи, – обратился он к Виктору. – Вы что, думаете, мы не знаем, что вы голодны и с удовольствием хотели бы хорошенечко покушать? Но вам просто неудобно, чужая еда, ничего вами на стол не поставлено, поэтому неудобно. Мы что, не понимаем, что ли, что вы понятия не имеете о том, как ездят в русских поездах и как тут всё происходит? Поэтому вы и не могли

ничего на стол поставить. А так, как вы наш уважаемый сосед по купе, значит, вы наш гость, и мы приглашаем вас к столу. Без всяких стеснений, пожалуйста, ведь мы теперь на два дня одна команда. Договорились? Да, и давайте перейдём на ты. Ведь хорошо друг друга понимаем, значит, пора на ты, и давай кушать. Приятного аппетита.

Штефан заметил, как три пары глаз, говорящих ему: «Парень, расслабься и не порти компанию», смотрели на него, и действительно решил успокоиться и насладиться временем с этими приятными людьми, процесс и скорость знакомства с которыми для него всё ещё оставались непривычными.

– Извините и благодарю за тёплое приглашение, – оглядев всех, произнёс Штефан.

– Ну вот и прекрасно, ещё раз приятного аппетита, – пожелала всем Вера, и трапеза началась. После небольшой паузы в молчанье, когда над столом замельтешили руки, накладывавшие в тарелки еду, Виктор решил немного посвятить Штефана в годами выработанную культуру поездов в поездах дальнего следования:

– Понимаешь, Штефан, так повелось у нас в стране, что после отправления поезда и после того, как все пассажиры уселись, переоделись, поверхностно познакомились с соседями, начинается такой, можно это назвать, ритуал. Когда все пассажиры, как по взмаху волшебной палочки, во всём поезде начинают свои застолья. Как это обычно бывает в поездах, с типичной железнодорожной едой, которая хоть и походная и совсем простецкая, но именно в вагоне, под мантру стука колёс, а если ещё и весёлая компания, то эта простая, незамысловатая пища становится намного вкуснее, чем если бы вы ели её дома. Люди глубже знакомятся друг с другом, и чем дальше они едут, тем больше они узнают о культуре питания и питья, о специфических особенностях и привычках народов разных регионов нашей огромной страны. Люди заводят друзей, с которыми затем, как нередко бывает, общаются и дружат всю жизнь, а бывает, что в поезде люди встречают свою любовь и затем заводят семьи. Может, это звучит легкомысленно, но это факт. Ведь никто не знает, где и когда его настигнет любовь. По этой причине у них появляются новые родственники за тысячи километров от места их проживания. Например, пассажиры из Калининграда, которые едут, к примеру, в Новосибирск, знакомятся с пассажирами, которые живут во Владивостоке, и это очень интересное общение. Представляешь? Вроде одна страна, один язык, а всё равно очень много разного в быту народов, живущих по разные стороны континента. Люди находят также проблемы и врагов, но только лишь на время следования поезда до их станции назначения. Соседи по купе выходят покурить в тамбур и там знакомятся с другими пассажирами, находятся общие темы или споры на всю ночь. В общем, во время поездки на российском поезде дальнего следования в каждом купе появляются маленькие семьи, которые чаще всего дружно и интересно живут друг с другом несколько дней. А ещё есть наши хорошие проводники. Они разносят чай, вкусный «железнодорожный» чай в железных подстаканниках. Обычно это очень хорошие ребята, и нужно отдать им должное за их труд. Поэтому, Штефан, это не просто сесть покушать. Это намного больше, это разговоры, эмоции, игра на гитаре и губной гармошке. Это засыпание под убаюкивающий стук колёс. Это анекдоты и смех. Только тихо, чтобы не помешать соседям. Это пить чай, как дома на кухне, только здесь за окном убегают сотни, а потом тысячи километров красивейших пейзажей. Даже у наших учеников во всех их купе происходит то же самое. Они рассказывают друг другу истории и переживания из их жизни, которые в школе они бы никому не рассказали. А происходит это от того, что на этих, не знаю – наверное, четырёх квадратных метрах, – включается как бы другая программа общения друг с другом; а началом всему этому является вот этот небольшой столик, перед которым мы сейчас сидим. Неважно, есть у вас с собой продукты или нет, на столе уже есть всё что нужно. Чувствуй себя как дома среди друзей.

Это доходчивое и где-то даже романтическое объяснение смыло скованность Штефана, и он, заворожённый таким ярким объяснением простого явления, с облегчением вздохнул.

– Давайте выпьем в первую очередь за нашу единственную женщину! – Виктор обратился любящий, что невозможно было скрыть, взор, на свою жену, погладив её ладонью по плечу, – которая терпит нас, мужчин, в этом купе, и всё же, делясь своей красотой, она создаёт для нас вот такие шедевры гастрономии, даже в походных условиях.

Вера действительно, со вкусом накрыла этот небольшой вагонный столик, и даже придумала пару декораций из подручных предметов и продуктов. Подняв стаканы с соком и водой, все чокнулись, а Штефан произнёс:

– Прёштли!

– Что это значит, Штефан? – поинтересовался Виктор.

– Это как у вас «на здоровье!»

– Прёштли! Так у них говорят на наше «На здоровье»? Как-то коротко, фигня какая-то, – взглянув на Виктора и Веру, усмехнулся Сергей.

– А я, прежде всего, желаю поднять бокалы, – Штефан прошил взглядом гранёный стакан, который он держал в руке, и слегка стукнулся головой о верхнюю полку, пытаясь встать для произнесения тоста. – Предлагаю выпить за наше интересное знакомство. За вас, таких гостеприимных и хороших людей. Благодарю вас всех!

Сергей повернулся и вытянул из своей сумки бутылку коньяка.

– Мы не пьём, детей полно с нами. Понимаешь, да? А вот тебе с удовольствием налью чего покрепче.

Штефану и перевод Виктора не понадобился. Он вновь начал отказываться, поднимая свой стакан и произнося слово «Solidarität».

– Ты смотри, мужик, – также поняв без перевода, похвально произнёс Сергей. И добавил: – Зер гут!

...Поезд был на подъезде к Бийску и двигался очень медленно, ожидая разрешения от диспетчера. Был вечер, и Штефан задумчиво глядел в окно, думая о том, что для него эти два с половиной дня пролетели как один час. Что через несколько минут они выйдут на перрон, попрощаются друг с другом, и останутся лишь воспоминания о том, что в течение последних двух дней он испытал в своей душе. Он испытывал чувства, которым не мог дать названия. При мысли о том, что они сейчас разойдутся в разные стороны, Сергей в одну, Виктор с Верой в другую, ну а он в третью, у него по щеке покатились слезы. Он думал о том, что, возможно, для них подобный процесс прощания на вокзале был чем-то приятным и привычным, а для него это было совершенно новое чувство, которое привело взрослого, состоявшегося человека, как маленького ребёнка, в восторг. Это был как бы аттракцион на поезде, но в нём было всё по-честному и по-настоящему. Его поразило всё, что происходило в этом вагоне во время всего путешествия, вплоть до мельчайших деталей, а прежде всего люди. Он думал о том, что поздно стал пересматривать свои жизненные приоритеты и поэтому поздно приехал в эту страну. Он думал, почему ему ни разу в жизни в Европе не довелось встретить подобную компанию. Почему? Штефан вспомнил, что после того, как он рассказал о себе, о своём бизнесе, они, глядя на него и поняв, что перед ними сидит очень богатый человек, искренне радовались его успехам, в их глазах он не заметил никакой зависти. Он подумал, что настоящий успех в его жизни пришёл лишь сейчас.

Он вспомнил, как он с Виктором ходил в купе к их школьникам, и они тренировались с ними в разговорной немецкой речи. У некоторых это получалось неплохо. Как Виктор играл на гитаре, а ученики, собравшиеся из всех купе, набились в одно, некоторым пришлось стоять в коридоре, и они вместе пели под гитару не известные ему, но всё же затронувшие его душу песни. Один школьник объяснил, что это походные песни о дружбе и о любви к родине. Штефан видел, как эти трое учителей любят свою профессию и всё то, что с ней связано. Он видел, с каким удовольствием дети, облепив своего учителя, то, затаив дыхание, слушали, то,

с восторгом подпевая, проводили с ним время. Штефан думал о том, что в его обеспеченной и стерильной жизни не было ничего подобного. Его мысли нарушил Виктор.

– Мы подъезжаем, – произнёс он, сев к столику напротив Штефана, написал в блокноте свой адрес и телефон, вырвал лист и протянул Штефану:

– Возьми, пожалуйста, дружиче. Это наши с Верой координаты, на всякий случай. Возможно, на обратном пути позвонишь и встретимся, или, может, смогу помочь, звони, не стесняйся. Мы с Верой всегда будем рады твоему звонку или визиту. Да кстати, а какая конечная цель твоего путешествия?

– Дальше в тайгу, – засмеявшись, ответил Штефан. Поезд дёрнулся и затормозил. В проходе вновь наперебой заголосили теперь уже хорошие знакомые школьники.

– Ну всё, нам нужно детей высаживать, – произнёс Виктор и, вставая, подал руку Штефану. Тот также встал, и, пожав руки, они по-дружески обнялись. Выйдя, уже из коридора, Виктор сказал:

– Удачно тебе добраться, куда бы ты ни ехал.

Гурьба школьников, нёсшихся с сумками по проходу, врезалась в своего учителя, и создавалась пробка. Виктор ещё раз махнул рукой и скрылся в коридоре. Теперь Штефан уже знал, что нужно немного подождать в купе, для того чтобы школьники могли спокойно выйти из вагона. Мимо открытых дверей его купе проходили ребята, и каждый по-своему прощался с ним. Кто просто молча махал рукой и, непонятно улыбнувшись, проходил дальше, подталкиваемый сзади. Кто-то заглянул в купе и на немецком произнёс заученное «Ауфвидерзеен». Зашёл Сергей, пожал руку и так же по-дружески обнял нового иностранного друга. Пожелал на русском всего доброго и вышел. Последней шла Вера и, заглядывая в каждое купе, проверяла, всё ли забрали, не забыли ли чего дети. Зашла, пожала руку и на немецком пожелала: «Аллес гут». В вагоне стихло, и стало как-то пусто и одиноко. Мимо дверей проходили ещё оставшиеся пассажиры, и Штефан тоже решил, что пора выходить из вагона. Он взял свою сумку, из которой торчало горлышко наполовину выпитой бутылки коньяка, и, поглядев на трико, в которое он был одет, вытащил из сумки сложенные джинсы, быстро переоделся и побежал на выход в надежде догнать Сергея. Выйдя в тамбур, он подумал, всё ли он взял. Сунув руку в боковой карман сумки, нащупал паспорт и, достав, переложил его в нагрудный карман. Проверил другой карман сумки, в нём лежали бумажник с деньгами, карта России и ключи от дома. Застегнув замок и накинув сумку на плечо, он вышел на новенький перрон свежестроенного вокзала города Бийска. Поглядев в обе стороны, не обнаружил и следов, по которым можно было бы узнать направление ушедшего школьного отряда. Он повернулся к проводникам, которые курили в стороне от вагона и рассказывали друг другу анекдоты. Штефан спросил их на английском: «В какую сторону пошли дети с учителями?» и показал спортивные штаны, которые необходимо отдать владельцу. Проводники не понимали английского, но всё равно разобрались, о чём идёт речь, и показали направление, в котором ушли его новые друзья. Штефан так же пожал руки проводникам, пожелал им удачи на немецком языке. И побежал в указанном направлении.

2

– Наконец-то мы дома! – присев на диван и закрыв глаза, растворившись в приятном чувстве ощущать вокруг себя привычный домашний уют, выдохнула Вера. Заварив на кухне чай, Виктор вошёл в комнату и протянул жене её кружку.

– Ой, я, наверное, перепутал, ты ведь с мёдом хотела, а себе я с сахаром сделал. Попробуй, – и сам, тоже отпив глоток из своей кружки, с уверенностью заявил: – Не, всё правильно. У тебя с мёдом. Мы ведь в поезде планировали написать отчёт о поездке. Штефан как-то влился в коллектив, и поэтому неудобно было отстраняться от него. Придётся завтра с утра заняться. Ты по девочкам напишешь, я пацанов... Там два недоразумения произошли, помнишь, в Ярославле Новиков с Богачёвым чуть не подрались. Я с ними уже предварительно обговорил, но серьёзный разговор ещё впереди. Пока в отчёт для гороно писать ничего не стану. С отцами поговорю. Хорошие ребята, но вот за последние года полтора я, по крайней мере, заметил, что Новиков нос задирать начал. Папа крутой, ну и он себя так же в школе вести начинает. А тот-то тоже не из бедной семьи, я про Богачёва. Но там совершенно другой взгляд на вещи. Женя совершенно приземлённый парень. Если бы я не знал, что его папа большим бизнесом руководит, не поверил бы, глядя на Женю.

Встав перед ним, Вера обняла его за шею и глазами, говорящими совершенно о другом, не отрывалась от глаз мужа.

– У меня такое впечатление, что он после занятий в школе только читает и йогой своей занимается. Хотя по успеваемости он вполне тянет. Поэтому я не говорю, что я на его стороне. Но представляю, кто...

– Ты соскучился по мне? Я так соскучилась по тебе. Мы уже три недели толком не видели друг друга. Даже не целовались толком.

– А тайком, по вечерам, не помнишь? Тоже интересно, даже возбуждает, – забыв разговор о школьниках и переведя внимание на жену, от которой он был без ума, заметил Виктор. Он обнял её, и их губы потянулись навстречу друг другу.

С небес их вернул на землю громкий телефонный звонок.

– Родители, наверное, уже ищут, – произнесла Вера, потянувшись к телефону. В выражении её лица чётко виднелась напряжённость.

– Штефан, – не ожидая такого звонка, произнесла Вера. – Момент, битте.

Растерянно и быстро она передала трубку Виктору, сказав, что звонит Штефан. Виктор приложил трубку к уху, но прежде, чем начать говорить, он перебрал в уме некоторые сообщения о причине столь скорого звонка их нового знакомого. Он отбросил все нехорошие мысли и произнёс в трубку: «Штефан, добрый вечер! Что случилось? У тебя всё в порядке?» Вера внимательно вглядывалась в глаза и мимику мужа, пытаясь угадать направление разговора. Не отрывая от него взгляда, она отхлебнула из кружки глоток уже остывшего чая и встала перед Виктором. Ей казалось, что так она лучше поймёт содержание разговора на немецком языке, не понимая ни одного слова.

Договорив, Виктор положил трубку, выпил из кружки жены остатки холодного чая и спросил:

– Как ты думаешь, что произошло?

Пока она думала, что сказать, он уже вышел в прихожую и, обуваясь, позвал Веру.

– Если хочешь, поехали вместе на вокзал. Возможно, придётся взять Штефана к себе, в общем...

– Ты скажешь мне, может, что произошло? – также обуваясь, на ходу, спросила Вера.

– Его обокрали, паспорт, слава богу, остался. По дороге расскажу всё, что услышал.

Подъехав к привокзальной площади, они сразу же увидели Штефана, стоявшего у той телефонной будки, из которой он звонил.

– Я извиняюсь, – огорчённо и с действительным сожалением в глазах обратился Штефан к подошедшим новым знакомым. – но в данной ситуации вы единственные, к кому я могу обратиться. Вы мои спасители! Так получилось, что я остался в том, что на мне надето, и мой паспорт, к счастью, оказался в нагрудном кармане. Остальное, то есть сумку с вещами, в которой также лежал бумажник, украли. Всё украли.

Виктор с Верой одновременно на двух языках начали успокаивать иностранца, попавшего в дурацкую ситуацию. Если честно, им было немного стыдно за то, что подобное произошло в их стране и их городе. Хотя они и не бывали ни разу за границей, но от знакомых, уехавших в Европу и приезжавших в отпуск на родину, неоднократно слышали, что на Западе ничего кроме гадостей о России не показывают и не пишут. А тут ещё такое.

– Да не переживай ты, Штефан, разберёмся как-нибудь! – подойдя и похлопав по плечу жертву преступления, произнёс Виктор. – Как получилось-то всё? Ты хоть запомнил их лица? Силой забрали или обманули? Давай рассказывай.

– Обманули меня. Меня вместе с таксистом. Но вы не подумайте, что я теперь тут плакать буду и говорить, что всё в этой стране так, и т. д. Нет, я в России уже несколько лет назад попадал в историю посерьёзнее. Поэтому тоже думаю, что разберёмся. Я подошёл к таксисту и поинтересовался, сколько он возьмёт за дорогу до Кучерла. Мне показалось, что он меня не понял, и, достав из сумки карту – у меня была с собой карта Алтайского края, я разложил её на капоте его автомобиля. Думал, что будет удобнее наглядно показать ему то место, куда мне нужно. Сумку и лежащую на ней куртку поставил на землю у колеса. Таксист, увидев то место, куда я ему указал пальцем, начал что-то говорить на русском, но я не мог понять. Мне показалось, что он отказывался в такую даль ехать. Чтобы выяснить, повезёт ли он меня или нет, я всегда без остановки показывал пальцами, вот так – потирая подушечки пальцев, ну, как во всём мире это делают. Думал, если он скажет цену, значит, едем, ну, а поторговаться всегда можно. Но в этот момент сзади чей-то голос что-то спросил. Мы обернулись. Перед нами стоял молодой парень, думаю, лет двадцати – алтаец по внешности. Мне показалось, что он спросил то ли сигарету, то ли зажигалку. В общем, таксист, видимо, не имея ни того, ни другого, ответил ему, повернулся ко мне и продолжил что-то говорить. Но оказалось, что парень этот не ушёл и стал вновь громко разговаривать; и ещё, я так понял, он стал оскорблять таксиста. Они начали ругаться, и таксист пошёл на парня. Я думал, что начнётся драка, но парень отбежал немного и вновь начал провоцировать. Таксист побежал за ним, но тот быстро убежал. Вернувшись назад, он собрал с капота мою карту и, свернув её, вручил мне, чем дал понять, что так далеко он не поедет, и показал пальцем на других таксистов, которые работали на частных автомобилях. Я хотел положить карту в сумку, но не обнаружил её там, где оставил. Обошёл вокруг такси и понял, что сумки нет. Таксист также догадался, что я ищу сумку, стал говорить, указывая в сторону того парня, с которым произошёл скандал. Они, видимо, вдвоём работали. Один отвлекал, а второй тайком, с другой стороны, сумку стащил.

– Блин, ты смотри, влип немец наш! На очень старый и всегда действующий способ воришек попался, – обернувшись к Вере и переведя ей краткое содержание рассказанного, добавил Виктор. – В общем, дела обстоят следующим образом. Пока ты останешься у нас, а там посмотрим. Завтра воскресенье, все госучреждения закрыты, поэтому нужно будет ждать понедельника, а сейчас пойдём в отделение милиции, заявление писать. Я переводить буду.

Домой они попали уже после полуночи, так как в милиции пришлось немного задержаться. Всё-таки иностранный гражданин был ограблен, необходимо было ответить на некоторые вопросы. По дороге домой они прикупили кое-что из продуктов для позднего ужина, и Вера вновь по-быстрому кудесничала на кухне. В двухкомнатной квартире-«хрущёвке» Штефан был первый раз в жизни. До сих пор ничего подобного в жизни он не видел. В пер-

вый момент ему показалось всё непривычно тесным и маленьким. Заметив недоумение в глазах богатого, преуспевающего европейца, который, скорее всего, живёт на большой и светлой вилле, Виктор вытянул его из тесных мыслей, громко и по-армейски сказав: «В тесноте, да не в обиде», а Вера завершила: «С милым рай и в шалаше». Виктор сразу же попытался передать смысл поговорок на немецком, и это действительно произвело на Штефана впечатление. «Узкие стены не могут нарушить лад в семье, да к тому же ты уже здесь, и деваться тебе некуда», – в шутку добавил Виктор. Вера вновь показала свою виртуозность на кухне, и через четверть часа они уже сидели за столом. Штефан восторгался их гостеприимством и особенно Вериными кулинарными способностями. Затем они быстро обсудили план действий и составили список необходимых визитов по милициям и чиновничьим кабинетам. Дальше разговор вышел на житейские дела. Штефан вспомнил поездку на поезде и пообещал при свидетелях повторить подобную поездку ещё раз:

– Я слышал, что поездка из Москвы до Пекина тоже очень интересная и красочная.

– Да, я тоже слышала, – поддержала его Вера, – но та поездка длится подольше, чем три дня, поэтому имей в виду, если решишься.

– А мне кажется, что на вашей кухне так же уютно, как и в купе вагона, да и размер примерно такой же.

– Всё гениальное просто! – с восторгом дополнил Виктор.

– Я никогда бы не поверил, что в помещении, чуть больше пяти квадратных метров, в котором ещё стоит мебель, сидят три человека и трапезничают. А главное, что чем дальше, тем больше места. Это фантастика! Это ваша, русская фантастика!

Они сидели и болтали почти до рассвета. Виктор и Вера рассказали о себе. О том, как они познакомились и полюбили друг друга, об их жизни и любимой работе. Штефан так же хотел рассказать о себе, но пришло осознание того, что он остался без копейки в кармане и не знал, что будет далее.

– Ты не переживай так сильно. Если нужно будет, то насобираем тебе денег на обратный билет. Ты расскажи лучше, куда тебе точно нужно? Как-то всё несколько раз начинали этот разговор, но ни разу не договорили до конца. К кому ты едешь?

Штефан призадумался и, ещё не понимая, как он будет действовать далее, выдал из себя:

– Я прямо и не знаю даже теперь, как быть, ведь без денег остался. Но думаю, что в любом случае я пока возвращаться не собираюсь. Я не смог попасть на похороны моего деда, его недавно похоронили, но считаю нужным попасть на его могилу и встретиться с его соседом. Мне, видимо, необходимо каким-то образом добраться до немецкого или швейцарского посольства или консульства.

– Таких организаций у нас вблизи, мне кажется, нет, – неуверенно поглядев на Веру, сказал Виктор, – но это мы завтра узнаем. У нас, в соседнем доме, знакомая в овире работает, может, она знает или подскажет чего. А в крайнем случае в понедельник в милиции узнаем. Они-то должны в любом случае помочь. Это их работа. Так где же твой дед жил? Ты о Кучерле говорил! Там или в том регионе?

– Да, там деревня есть, Усть-Улаган, возле этой деревни в лесу, неподалёку. Трудно мне объяснить, один раз я там только был. А как попал туда, не знаю. Ну, это очень длинная история.

– Даа... – протянул Виктор. – Хочу туда не знаю куда, – вновь глядя на Веру, произнёс он. – Дела-а-а! Помочь придётся человеку. Как ты отнесёшься к тому, если я его отвезу туда? У меня ещё отпуск есть, пять дней. Не расстроишься, если оставлю тебя на пару дней? – вновь обратился он к жене.

3

К заимке они подъезжали уже поздно вечером, и в лесу, где находились два старых и слегка осевших деревянных дома, располагавшихся в паре километров от близлежащей деревни, Виктору приходилось напрячь все свои водительские способности. Дорога от деревни до заимки представляла собой две, глубоко продавленные в лесной почве тракторные колеи, но было заметно, что даже трактор не ездил здесь уже очень давно, так как в низине, перед подъёмом, то, что называлось дорогой, местами заросло молодым кустарником и высокой травой. От движения по высохшим отпечаткам тракторных колёс, создавшим труднопреодолимые ухабы для легковушки, иконка с образом Спаса Нерукотворного, висевшая на зеркале заднего вида, кружилась и прыгала из стороны в сторону, ударяясь уголками о зеркало. Ветви кустарника, возвращавшего своё жизненное пространство в лесу и отвоёвывавшего его назад у человека, который редко пользовался выделенной ему лесом полосой дороги, царапали бока машины. В салоне «жигулей», которые Виктор очень любил, скрежет усиливался, и создавалось впечатление, что ветви и сочная жёсткая трава соскребут весь лак с боков. Глядя на заброшенность местности, Штефан начал сомневаться в том, что на заимке ещё кто-то живёт, и встревожился из-за перспективы увидеть пустые, заброшенные дома: «Что тогда? Где искать Муклая? Перед Виктором будет неудобно, такой путь проделал человек впустую». Боковым зрением, несмотря на тряску, он непроизвольно встречался взглядом с ликом Спаса, который, как ему казалось, смотрел на него как-то не по-дружески. «Что за икона такая, мрачная?» – держась за ручку двери, удерживая себя в плавающей по кочкам машине, думал Штефан.

Напрягая весь свой зрительный потенциал, Виктор не отрывал взгляда от освещённого светом фар пространства, называемого дорогой. Казалось, что он, вытянув шею почти к самому лобовому стеклу, пытается забросить взгляд вперёд, под самые колёса машины, чтобы разглядеть лучшие возможности для продвижения. Но, несмотря на концентрацию взгляда, он изредка, на доли секунды, успевал бросить взор на иконку. Это было его давней привычкой. Перед началом пути он всегда обменивался взглядом со Спасом Нерукотворным и считал его своим покровителем. Может быть, это являлось одной из причин, по которой он никогда не имел дорожных неприятностей. Дорога пошла на подъём и выровнялась. Исчезли глубокие колеи, и ехать стало намного легче. В свете фар мелькнули силуэты построек и ворот, означавшие конец пути.

– Всё, Штефан, расслабься! – улыбаясь и с облегчением вздохнув, глядя на своего иностранного гостя, произнёс Виктор. – Надеюсь, не спят хозяева, или кто тут у тебя, дед?

– Да, я узнаю это место даже в темноте, – с радостью и душевным подъёмом, несмотря на сильную усталость от долгого пути, воскликнул Штефан. – Спасибо тебе, Виктор, за всё, огромное спасибо!

Виктор подошёл к большим деревянным воротам и, осветив их светом фар, выключил скорость, заглушил мотор и, глядя на иконку со Спасом, которая теперь только слегка покачивалась на цепочке, мысленно поблагодарил образ своего покровителя, но вслух произнёс:

– Для этого и существует дружба! Так ведь, Штефан? Давай, пошли хозяев будить.

Во дворе без умолку лаяла собака, и по высокому визгливому голосу можно было понять, что она вовсе не большая и, скорее всего, не такая уж и злая.

Виктор два раза нажал на сигнал, чтобы уже наверняка разбудить жителей отшельнической заимки, и вышел из машины. Штефан раскрыл дверь, запустив в салон свежий воздух, но остался сидеть. В этот момент он думал о том, что те десять минут дороги через темень леса показались ему вечностью, а теперь за секунду пробегают часы, которые уносят вдаль всё неимоверное количество его мыслей, и он никак не успевает за ними. Это были воспоминания

о произошедших здесь два года назад событиях, и одновременно огромное волнение перед встречей с Муклаем, а может, даже и с дедом: «А вдруг мой сон был всего лишь сном, и дед ещё жив и встретит меня сейчас?» Также он вспомнил вокзал в Бийске, украденную сумку и деньги, Михаила, с которым их навсегда разлучила судьба в этих краях. Мысли и воспоминания кружились в его голове, как торнадо, поочерёдно подводя к его взору отдельные картинки воспоминаний: «Как мне повезло встретить этого человека!» Штефан глядел на Виктора, стоявшего у забора и пытающегося успокоить лающую собаку.

Он почувствовал на себе чей-то взгляд, но не мог понять, чей. Виктора он видел совершенно чётко, тот стоял спиной к машине, и больше никого поблизости не было видно. Но он чувствовал присутствие. Мощный взгляд, который говорил, не издавая звуков: «Я с тобой, но не забывай никогда того, что ты здесь впитал». Штефан повертел головой, повернулся и поглядел сквозь заднее стекло, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте. Но нет. Никого не было. Темень, и лишь на траве тусклые отблески отражённого от ворот света всё ещё светивших фар. Он собрался выйти из машины к Виктору и встретился взглядом с глазами, взиравшими на него с той самой иконки, которая теперь совершенно спокойно висела, распространяя вокруг силу своего покровительства и покоя. Подобное состояние Штефану уже приходилось испытывать, но тогда природа воздействовала на его сознание. А здесь... Здесь его сознание попало под энергетику, исходящую от малюсенькой, за небольшие деньги купленной в церкви иконки. Можно даже сказать, продукция массового производства, не рукописная и, скорее всего, не намоленная, а просто напечатанная промышленным способом картинка. Осознав, что взгляд действительно исходит от маленького образа, Штефан стал наполняться уверенностью в том, что всё правда, что он делает всё правильно и в нужное время. Он почувствовал прилив сил, и вновь услышал никем не произнесённые слова, которые он отчётливо слышал. Слышал он их не по-немецки и не по-русски, он просто слышал и понимал их сердцем: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Исходивший от иконки взгляд ослабел и отпустил Штефана полностью. Он почувствовал лёгкость, но всё помнил, а главное, понял. Он понял, что Георг, его дед, действительно умер, оставив после себя множество плодов, одним из которых Штефан посчитал себя, и решил стать его последователем, чтобы превратиться в отборное зерно, которое, когда придёт время, будет положено в землю для того, чтобы принести новый урожай. Ход времени нормализовался, приняв свой темп, а Штефан заметил, что Виктор всё также стоит в ожидании хозяев дома и пытается всячески успокоить собаку. Возможно, прошла всего одна секунда, может, две, а он вновь получил урок, на принятие которого, в его обычной повседневности, ему потребовались бы месяцы, а то и годы. Следом за Виктором из машины вышел Штефан и подошёл к нему, уже стоявшему у забора:

– Кажется, в доме кто-то есть. В окно выглядывали только что, – стоя у забора, полностью освещённый светом не выключенных фар, повернувшись к Штефану, сказал Виктор. На крыльце дома появилось свечение от керосиновой лампы и направилось к воротам.

– Тихо, Смородинка, тихо. Чего разлаялась на добрых людей? Свои ведь! Не узнала, что ли? – донёсся голос идущего во дворе, слабо освещённого тусклым светом хозяина дома.

– Это Муклай, – сообщил Штефан Виктору.

– Откуда ему известно, что свои, да ещё и добрые? – спросил Виктор.

– Он знает, Муклай уже всё знает. А добрыми становятся все люди, побывавшие когда-либо на этом дворе. Если даже злые были, то станут добрыми, – улыбаясь, с чувством гордости, что он – тот, кому повезло в своей жизни побывать в этом доме, ответил Штефан. Из темноты вышел старик-алтаец в накинута на плечи телогрейке, одной рукой придерживая её спереди под воротником, в другой руке он держал керосинку. Увидев этого старика, Виктор тут же убедился в словах Штефана. Старик вышел один к незнакомцам, стоявшим перед ним

в свете включенных фар машины, не зная цели столь позднего визита, и вообще, совершенно спокойно, подперев спиной створку ворот, мотнул головой в направлении дома, сказав лишь:

– Свет не забудь потушить, батарея сядет. Можешь не закрывать, никому она здесь не нужна.

И дождавшись, пока Виктор вернётся от машины и войдёт на двор, молча пошёл вперёд, освещая дорогу. Следуя за ним и Штефаном, Виктор думал о глазах этого маленького алтайского старичка. В них, маленьких, прищуренных, даже в темноте была видна, с большим перевесом, чем у него со Штефаном, вместе взятыми, невероятная сила. Огромная сила взгляда, способная заставить любой пистолет сделать осечку или пулю полететь совершенно не в том направлении, куда её направляет нажимающий на курок. Виктор ждал, что Штефан наконец-то начнёт разговор, но тот почему-то молчал. «Видимо, знает, как нужно себя вести здесь», – подумал он. Разговор начал старик:

– А я вас вчера ожидал, видимо, старость даёт о себе знать.

У Виктора по телу побежали мурашки и слегка поднялся волос на всём теле: «Будто к колдуну в дом попали. Ждал он нас уже, оказывается. Откуда мог узнать?»

– На целый день ошибся, или случилось чего в дороге? – произнёс дед, глядя на Штефана, но для получения ответа повернулся к Виктору.

– Да, была небольшая проблемка, но всё уладилось.

Дед пристально взгляделся в Виктора и несколько секунд разглядывал его. Затем, повернувшись к Штефану, сказал:

– Повезло тебе с ним, – Виктор понимал, что дед разговаривает через обращение к Штефану, который не понимает по-русски, с ним, и этим показывает уважение. – Я уже примерно понимаю, что произошло и что этот добрый человек сделал для тебя, – вновь по-русски обратился к Штефану дед. – Я скажу тебе, Штефан, что это будет большая и сильная дружба и много добра принесёт.

Виктор улыбнулся такому своеобразному общению с ним через непонимающего Штефана и сказал старику:

– Меня зовут Виктор. Должен ли я перевести на немецкий то, что вы ему говорите?

– Нет нужды в этом. Проснётся утром и всё поймёт сам. Он знает об этом. Я с его дедом покойным, Жорой, так раньше разговаривал, когда он русский плохо понимал. Меня зовут Муклай, собаку Смородинка. Всё остальное завтра.

Войдя в дом, в котором было две комнаты, Муклай предложил переночевать у него, а утром, если у Штефана будет желание, можно перейти в Жорин дом. Для Виктора Муклай пояснил, что Жорой он называл Георга, для простоты:

– Раньше так удобней было, а со временем прижилось. Во второй комнате вам на полу постелил.

И, больше ничего не говоря, Муклай снял с плеч телогрейку, отдал Виктору керосиновую лампу и, указав взглядом в проём двери второй комнаты, молча улёгся на деревянную кровать, больше напоминавшую широкую лавку, устланную в несколько слоёв тонкими ковриками.

В комнате вдоль обеих стен на полу лежали застеленные одеялами и пуховыми подушками матрасы. У обоих было одинаковое ощущение от перемены условий быта. Вчера они ложились спать в городе с его ночным шумом и освещением, они помылись в душе, почистили зубы, и это было нормой городской жизни. Сегодня они лежали на полу в таёжной избе, не имеющей даже, как понял Виктор, электричества и многих других, привычных городскому жителю вещей. При этом они чувствовали себя прекрасно. Штефан молча переглянулся с Виктором, также молча, дабы не тревожить хозяина дома, разделись и улеглись, каждый на свой матрац. Виктор затушил лампу, и наступила густая и тихая темнота. Полежав некоторое время и привыкая к новой обстановке, он вспомнил своё детство.

Тогда, вместе с младшим братом Серёжей, он очень много времени проводил у деда Ивана с бабушкой, которые жили на самом краю деревни и за оградой их дома начинался лес. Была какая-то схожесть ощущений, тех, из детства, и сейчас. А также в своих воспоминаниях он нашёл объяснение таинственности и способностям Муклая в экстрасенсорике. Он увидел чёткую параллель между Муклаем и своим дедом. Тот также, как казалось Виктору в детстве, имел необъяснимые способности. Иногда им с братом становилось даже страшно-вато от необъяснимости дедовских обрядов или рассказов. Они тогда, в детстве, воспринимали многое как волшебство, но дед Иван говорил, что ему во всём помогает сама природа, которую он научился понимать от своего деда. Дед Иван брал с собой в тайгу только одного из внуков, но всегда по очереди. Ни Витя, ни младший Серёжа не замечали в этом дедовского мудрого замысла. Он ещё с вечера распределял обязанности по хозяйству на следующий день. Один должен был выполнять якобы очень важные дела по дому, помогая бабушке, а другой шёл помогать деду в лес.

Дед никогда не говорил, что они будут делать в лесу. Определённые темы дедовского воспитания должны были быть пройдены индивидуально и серьёзно, без ребячьего баловства, которое часто возникало, когда Витя и Сергей были вместе. Поэтому он давал им играть и шалить дома, а воспитательный процесс проводился поодиночке и с тонким подходом. Дед Иван делал это так же, как и его дед проделывал это с ним, у которого было ещё пять братьев и три сестры. Но внуки деда не интересовали, ими занималась бабушка, а он воспитывал мужей, понимающих суть природных вещей и умеющих находить с ними равновесие. Всё это было в дополнение к чисто мужской части ведения хозяйства. Уходя в лес, они быстро, по-солдатски, выполняли свои дела по заготовке дров или лыка, собирали грибы и ягоды. Дед Иван очень красиво и доходчиво объяснял, как и где искать определённый гриб или ягоду. Все дела зависели от времени года, и поэтому оба брата постигали природу во всех её ипостасях. Дед водил его по кедрачу и показывал, как бьют шишку, зимой ставили петли на пушного зверька. А затем, после выполнения дел, начинался незаметный процесс постижения природной мудрости.

Дед Иван умел проводить его играючи, чего дети полностью, с детской серьёзностью, погрузившись в игру, даже не замечали. Чаще всего они поднимались на одну из сопок, дед рассчитывал силы внуков так, чтобы они не уставали и не теряли интереса к окружающему их волшебному миру. И затем наслаждались прекрасными пейзажами, простирающимися перед их взором. Дед Иван просил внучат запомнить ту картинку, которая простиралась перед ними в одно время года, а через какое-то время, уже в следующие каникулы, он приводил их на то же место, и восхищению не было предела. Постоянное изменение цвета и, как следствие, формы рельефа местности изумляло Витю с Сергеем. Приходя домой из леса, один всегда с восторгом рассказывал другому об увиденном и пережитом, чем вызывалось естественное детское любопытство у второго, а также непреодолимое желание увидеть и пережить то же самое.

Во время таких познавательных прогулок всегда, без исключения, дед Иван и Витя ложились под большое дерево, чаще под берёзу, головой к комелю, и просто молча глядели вдоль ствола, сквозь листву в небо. Витя поначалу всегда заводил разговор с дедом, либо, повернувшись на бок, следил за муравьями, либо ещё что-то затевал, а дед Иван предлагал ему игру. Условие той игры было совсем не сложное для взрослого, но очень трудно выполнимое для ребёнка. Лежать спокойно, не разговаривая, по возможности не шевелиться, и стараться почувствовать себя самого изнутри. Так же прислушаться ко всему, что вокруг. К дереву, у комеля которого находилась голова, к траве, на которой они лежали, услышать шелест одного определённого листочка на дереве, шорох ползущих у уха насекомых, а в конце игры нужно было услышать и прочувствовать себя. Для начала – всё тело, затем сконцентрироваться на отдельных его частях, затем впустить сознание внутрь и постараться представить себя изнутри, стать

одним из органов. В конце нужно было стать мыслью, войти в неё, и тем самым не видеть и не ощущать её. Вначале, по причине естественной детской непоседливости и быстрой смены интересов, тем более, в лесу, где мальчику всегда очень легко найти новую забаву, эти игры не длились и двух минут. Но дед Иван мудро находил путь к достижению своей воспитательной цели. Он назвал эту игру очень интересным и загадочным именем – «Тренировка Святослава».

Дед рассказал историю о боевых способностях великого князя, да и вообще о старых, русских, казачьих войсках. О том, как они тренировались управлять временем во время боя, как могли опережать выпущенную стрелу, и даже мысль противника, при помощи способности находиться здесь и сейчас. О том, что один миг – это очень важная единица измерения времени, особенно в бою. О том, что есть ещё меньшая единица времени – сиг, познав которую, сможешь управлять временем. Дед говорил: «Будешь жить в равновесии с природой, будешь чтить свой род – тогда сможешь спокойно реагировать на все жизненные изменения и не пугаться их. Будешь чтить традиции рода, а главное, беречь их как самого себя – станешь как Святослав». После всех этих завораживающих рассказов Витя подходил к тренировкам очень серьёзно и не рассказывал об этом никому, даже Серёже.

Ложась спать и закрыв глаза, он представлял себя таким же, как Святослав. Верхом на белом коне он скачет впереди своего войска на полчища заклятых хазар. И взгляд его видит каждую летящую в него стрелу. Он отбивает их, словно брошенную горсть палочек, очень медленно летящих в него, а на самом деле хазарские стрелы очень быстрые и мощные, но он, Витя, умеет быть быстрее стрелы и мысли противника. Поэтому одерживает победу и возвращается домой победителем. С такими мечтами он часто засыпал, нередко размахивая во сне рукой, будто держал в ней меч.

4

Незаметно детские воспоминания перетекли в сказочные события. Сон всегда выжидает правильную секунду и, укрыв Виктора своим сладким и лёгким покрывалом, переместил его из детства, где он внимательно слушал своего деда Ивана, который рассказывал о Святославе, на самый верхний этаж ночной тайги.

– Очень интересные ощущения, не правда ли? – спросил Виктор, прыгая с верхушки одного кедра на другую, у человека, который приближался к нему, так же, как и он, паря над тайгой. – Это просто волшебное чувство! Мне кажется, что я в детстве так парил над тайгой, или мне это снится? Чувствовать себя частью этого сказочного мира, ощущая себя лёгкой пушинкой во Вселенной, летая в ночи... Это просто грандиозно!

Приблизившийся человек ничего не отвечал. Он встал носочками на верхушку одного из кедров и, вывернув карманы, в которых ничего не оказалось, произнёс на иностранном языке:

– Меня обокрали!

Подлетев ближе к незнакомцу и паря вокруг него, Виктор спросил:

– Я не знаю языка, на котором вы говорите, но почему-то я вас понял. Что у вас украли и где?

Человек, вращаясь в воздухе и следуя за взглядом Виктора, с явно выраженным удивлением в глазах сказал:

– Я вас тоже понял, но никогда не разговаривал на вашем языке. Интересно, как это происходит? А может, это действительно сон? Но я чувствую и осознаю себя, хотя сейчас это не важно. Кража совсем незначительна и не стоит вашего внимания. Украли сумку с личными вещами и деньги.

– Не держите зла на вора, – с ночным спокойствием произнёс Виктор. – Посмотрите лучше на красоту ночи. Видимо, ваши деньги были кому-то очень нужны. Может, они были жизненно необходимы. Очень важно не держать зла, ведь осудить легче всего, но я постараюсь вам помочь, если, конечно, вы хотите этого, – взлетев высоко над тайгой, ощущая ещё большее спокойствие и уверенность от плавности и естества движения, произнёс Виктор. Даже звук их голосов медленно тянулся из их уст и звучал размеренно и красиво:

– Я вас не знаю, незнакомец, но думаю, что мы сможем вместе найти то место, где находятся ваши вещи. Ведь мы находимся под самыми звёздами, на вершинах древних, мудрых и вещей кедров. Вселенная, звёзды и вещей лес помогут нам. Мы должны лишь увидеть знаки и следовать им.

– Да, я слышал о таком! Я слышал! Нужно попросить у мира помощи, и тогда получишь её обязательно.

– Может быть, и так, но мне кажется, что нет необходимости просить у Вселенной о помощи, она всегда помогает нам. Необходимо лишь увидеть или услышать знаки, которые она нам посылает. Иногда это происходит во сне. Скажу честно, я сам ещё не имел подобного опыта, но моё сердце говорит мне именно сейчас, в эту секунду, об этом пути познания и видения знаков.

– Вы можете разговаривать с вашим сердцем? – смущённо и с недоверием спросил незнакомец.

– Не то чтобы разговаривать, просто я иногда прислушиваюсь к голосу моего сердца, и это помогает. Голос сердца не подведёт никогда. Прислушайтесь к вашему сердцу, и оно подскажет путь. Оно само попросит у звёзд, у травы, у вещего леса о помощи в нахождении пути к пропаже и даст вам знак.

– А почему вы решили помочь мне в поисках моей пропажи? – заинтересовался незнакомец.

– Это тоже знак сердца, и я его услышал. Недавно я помог одному иностранцу в каком-то городе, он так же, как и вы, был ограблен, а говорил он на таком же языке, как и вы. Тогда я также услышал голос моего сердца и помог ему.

– Я ещё никогда не слышал моего сердца. Как можно его услышать, чем я могу его слушать, что оно может сказать, да и как? Не думаю, что это правда.

И в это мгновение незнакомец, на лице которого появились сомнение и недоверие, словно теряющий воздух надувной шар, отяжелевший и слабеющий, на глазах начал падать. Восторженное от невесомого полёта лицо наполнилось испугом и непониманием причины столь быстрого падения: «Что происходит? Почему я падаю?» Он падал вдоль дерева, пытаясь ухватиться за ветви, но ничего не помогало. Какая-то сила влекла незнакомца вниз, к земле. Он больше ничего не говорил и, как газовый сгусток, как облако в жаркий день, рассеивался в ночном пространстве. Он лишь озадаченно глядел Виктору в глаза, прося его взглядом помочь, вернуть его вверх, к вершинам кедров. Виктор сопровождал падающего, паря рядом с ним, тонущим в глубине ночной тайги. Он чувствовал, что должен что-то изменить и вернуть незнакомца наверх, он даже пытался удержать падение, держа его за руки, но ничего не помогало. И вновь он услышал голос сердца. Он напомнил ему того иностранца в Бийске.

– Вот, вот, я понял теперь! Я узнаю тебя! – громко, разливаясь эхом по ночной тайге, провозгласил Виктор, не переставая глядеть в теряющие надежду глаза незнакомца. – Тот иностранец, о котором я упомянул, он тоже был обворован, но я точно знаю, что сердце сказалось ему не держать зла и обиды на грабителя. Он должен был его услышать, у него не было другого выхода.

Всё застыло. Падение остановилось. Но оба понимали, что это лишь на мгновение, и это мгновение было дано для принятия решения, для осознания или для того, чтобы Виктор смог договорить то, что сказалось ему сердце. Приблизившись к незнакомцу и взглядевшись так глубоко в его глаза, насколько позволял свет звёзд, тихо, дающим надежду шёпотом произнёс:

– Он был так же обворован, всё как у тебя, а значит, он – это ты. Это ты тот иностранец с привокзальной площади в Бийске. Но ты там не осудил тех, кто тебя ограбил. И это лишь потому, что ты услышал голос твоего сердца. Иначе не могло быть! Ведь нашим мозгом, нашим умом мы никогда ничего не прощаем. Только сердцем мы можем простить, а значит, ты можешь его слышать. Так услышь его и сейчас! Вспомни! Как в детстве! Ведь детьми все мы общаемся с миром только через сердце. Пока жизненные обстоятельства не притупляют нашей связи со Вселенной, а потом, потом мы просто всё забываем, закрученные в бытовом вихре. Мне кажется, что от этого небольшого довода, но, я думаю, очень сильного, сильного потому, что о нём мне рассказало сердце, тебе станет спокойнее.

Виктор плавно отлетел от незнакомца и в любую секунду ждал его дальнейшего падения в темноту, на дно тайги. Он сделал всё что мог, и теперь всё зависело от того, который висел на волоске. От его решения и принятия сказанного Виктором всем его сердцем.

Волшебная тишина таёжной ночи, блеск звёзд, а также весь вещий лес застыли в ожидании. Всё ждало того момента, в который завязший в собственной путанице своего ума незнакомец откроет себя собственному сердцу или же упадёт.

Хрустнула, но не обломилась очередная ветка, не выдержавшая тяжести того, что осталось от фигуры незнакомца, и в темноту нижней тайги улетели сорвавшиеся с ветви иголки. Виктор встrepенулся от неожиданного в тишине треска ветви, но тут же почувствовал уверенность, посланную сердцем. «Он принял это! Он осознал! – спокойно проговорил голос в груди, и тут же Виктор увидел свет и радость во взгляде незнакомца. – Я поверил. Не знаю, как это получилось, но я поверил». Его глаза вновь наполнились радостью и в то же время спокойствием. С лица исчез страх падения в темноту, и можно было увидеть его стремление вверх, к звёздам. Надломанная ветвь, за которую он держался, легко поднялась в исходное положение и приросла к стволу, не оставив следа от надлома. Он вновь стал принимать свою прежнюю,

целостную форму и вмиг, смеясь от счастья, оказался вместе с Виктором над макушками кедров:

– Я поверил тебе, а главное, поверил себе, моему сердцу. Не знаю, как это получилось. Просто поверил. Это просто пришло, само пришло. Я почувствовал стук в груди и понял, что это говорит сердце. Оно сказала мне, – он засмеялся, взметнувшись вверх. – Оно сказала всего два слова. «Это так!» И я услышал их. Я их услышал!! – звонко излучая радость в ночное небо, к звёздам, прокричал незнакомец. – Я смеюсь и радуюсь сердцем, не головой!

И сердце его также наполнялось радостью того, что тот, в чьём теле оно стучит и, не переставая, работает на его благо, наконец-то услышал его стук. Где-то внизу раздался какой-то очень звонкий, врезающийся в ухо звук. Через несколько секунд он повторился и потянул к себе плавающие в пространстве фигуры Виктора и незнакомца. Одновременно, один за другим, влекомые звуком, они, медленно паря вниз между могучих, тёмных стволов кедров, спускались всё ниже и ниже.

– Мы обязательно встретимся, и ты, ты обязательно найдёшь твои украденные вещи, – произнёс Виктор и вмиг быстро, как порыв ветра, влетел сквозь окно дома Муклая в комнату, где он спал. За ним последовала вторая фигура. Взлетев на ограду, петух вытянул шею, вздыбил перья и, размахивая крыльями, будто делая утреннюю гимнастику, в третий раз и так же звонко разлился эхом по просыпающейся тайге, объявив всем, что наступает рассвет.

Виктор открыл глаза, ни минуты не сомневаясь – несмотря на то, что спал на полу, уже давно не чувствовал себя так легко и хорошо. Он прекрасно выспался, ему хотелось скорее встать и выйти во двор, на свежий воздух. Тихо одевшись, он взглянул на ещё спавшего Штефана, оглядел небольшую, выбеленную известью комнату, в которую начало проникать утро, поглядел на тикающие часы и вышел из дома на крыльцо. Муклай уже подоил корову и, дав корм всем обитателям двора, отодвинув жердь ограды за сараем, повёл корову и лошадь на луг, пастись ещё оставшейся редкой травой. Виктор проводил его взглядом и, спустившись с крыльца, подошёл к умывальнику, прикреплённому на дереве. Набрал полные ладони холодной утренней воды и плеснул себе в лицо. Захотелось умыться полностью, он снял рубашку и, кряхтя от удовольствия утренней свежести, омылся по пояс, вытерся приготовленным Муклаем свежим полотенцем, которое висело рядом на крюке, оделся и, подойдя к колодезю, стоявшему посреди двора, сел на стоящий рядом пень. Он чувствовал, что скоро из дома должен выйти Штефан, поэтому решил ждать его на улице, наслаждаясь утренним воздухом осенней тайги. Он закинул обе руки за голову, прислонился спиной к колодезному срубу и стал разглядывать «имение» Муклая.

5

Двор, на котором располагались два небольших дома, сарай и мастерская, был огорожен лёгкими, такими же старыми, как и все постройки, жердями, которые служили не столько оградой или защитой от посторонних и диких животных, как просто очерчивали границы усадьбы. Любой дикий зверь, от мелкой лисицы до крупного хищника, мог с лёгкостью пролезть между этими жердями и похозяйничать на дворе или в сарае. Но за этим внимательно следила Смолодинка. Вдоль изгороди, по всей площади, кроме дощатых тротуаров, двор был покрыт ровным, мягким ковром стелящегося спорыша, создавая эффект подстриженного газона. Мелкие обитатели сарая – куры, утки и гуси – преспокойно передвигались как по двору, так и за его пределами, так как ограды они не замечали. Но к вечеру, по свистку хозяина, сыпавшего корм в кормушки, все наперегонки возвращались, суматошно трапезничали, а затем занимали свои места в хлеву на ночлег. Для лошади и коровы были предназначены почётные места, и кормом они снабжались с большей заботой, хотя так же целый день паслись на близлежащих лугах. У стены сарая стояла телега, так же, как и гнёзда пернатых обитателей, уложенная соломой, а на стене висело всё необходимое для упряжи. В центре двора располагался колодезный сруб с воротом, а рядом с ним кадушка, наполненная водой для прогрева.

Утреннее солнце, пробиваясь сквозь ветви деревьев, бросало чёткие линии лучей, в которых мельтешила всякая летающая и ещё не заснувшая на зиму мелочь. Свежий, утренний, таёжный воздух имел вкус, который можно было ощутить лишь здесь, в тайге. Вдыхать его было столь же приятно, как, изжаждавшись, пить чистую родниковую воду, которая имеет аромат всей природы. А напившись вдоволь, набрать во фляжку и взять с собой в дальнейший путь. Но таёжный воздух, к сожалению, с собой не возмёшь. Им можно дышать только здесь, в тайге. Чистой, огромной, сильной и мудрой, не опаршивленной человеческим присутствием. А если и живут в ней кое-где люди, так только те, кто стал частью тайги – этого саморегулирующегося организма, приняв его правила и законы. Это чистые душой и сердцем люди или же те, кто пришёл в тайгу открыться и дать ей очистить себя от каких-либо житейских ошибок.

Одним из таких людей был Муклай. Он родился и вырос в тайге и никогда не имел помыслов покинуть свои родные места, поменять их на более комфортные, городские условия жизни. С детства, от своего отца, он впитал в себя уважение и любовь к месту своего рождения, а также к своим родовым корням, которые нельзя перерубить, выкорчевать и перевезти куда душе угодно. Когда он был ребёнком, отец ему говорил: «Семени, упавшему в землю и проросшему, а затем пустившему корни, став деревом, было указано природой упасть именно в этом месте. Иное семя ветер будет долго нести к другому, назначенному природой месту, и так со всем, и менять это нельзя». Ещё он говорил, что есть и другие семена, они так же падают в землю и пускают свои корни. Но их ростки стелются по земле во все стороны, они цепляются новыми корешками за большие деревья и питаются их соком. Передвигаются они, разрастаясь по земле, не имея постоянного места, а значит, не имеют мощи и мудрости. Их называют сорняками, стелющимися у подножья могучих деревьев. Но, даже несмотря на то, что у этих сорняков тонкие стебельки, если они разрастаются, в них можно запутаться ногами и упасть. Но и они живут так, как задумала природа. Поэтому выучив этот мудрый урок отца, Муклай с детства решил остаться у своих глубоких родовых корней и беречь их. Он понимал, что «чем глубже и мощнее корни рода, тем мудрее и сильнее род, как и могучий кедр. А в этом главное богатство человека». В своей жизни Муклаю довелось встретиться и долгое время прожить по соседству с человеком, семя которого было положено в землю очень далеко от Алтая и от тайги. И если вновь сравнивать человека с деревом, то у него даже были укрепившиеся корни. Но по велению всё той же природы или, можно сказать, Вселенной ему пришлось бросить, вырвать их из родной земли и привить их здесь, в тайге. Такие процессы, как и в случае с деревьями, несут

с собой болезненные годы адаптации, пока эта земля не приняла его и не начала питать своим соком. И человек этот, начав питаться чистым соком этой земли, набирался знаний, которые структурировались, превращаясь в мудрость, и лишь к старости он осознал гениальность вселенского промысла. Он осознал, что не всё в его жизни делалось им самим. Что основная линия его судьбы была прописана с глубочайшей и на многие годы вперёд до мелочей продуманной перспективой, которая может быть организована только лишь высшим разумом – Вселенной. Часто мы воспринимаем происходящие события в нашей жизни как случайности или стечение обстоятельств. В некоторых случаях мы пытаемся найти виновного и ответственного за происходящие события. Иногда мы благодарим кого-то или ищем того, кого мы хотели бы поблагодарить за неожиданно оказанную помощь и поддержку, в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Кто-то умирает, погибает, кто-то рождается. Кто-то летит в самолёте, кто-то голосует на обочине дороги. Кто-то богат, но несчастен, кто-то счастлив, несмотря на бедность. Всё это наши заслуги, которые переплетаются с прописанным планом, становясь одним информационным фоном и в то же время единой программой огромного, целостного организма. В котором мы – маленькие клетки, день ото дня выполняющие свои функции, которые идут либо на благо, либо на зло этого организма, который, в свою очередь, живёт для нас и регулирует наше поведение в нём. И организм этот называется Вселенная.

Посмотрев на второй дом, стоящий в пределах усадьбы, Виктор подумал, что это и есть дом деда Штефана. В этот момент он вспомнил, но совсем смутно, сон, который приснился ему прошлой ночью. Положив голову на венец колодезного сруба и глядя ввысь, в чистое утреннее небо, он попытался воссоздать в памяти таинственный и непривычный сон. Вновь запел петух. Виктор повернул голову в его сторону и с улыбкой произнёс:

– Привет, будильник. Что, уже шесть часов?

В этот момент с лёгким скрипом отворилась дверь дома Муклая, и на крыльцо вышел Штефан. Не вставая, Виктор помахал ему рукой:

– Какой вкусный здесь воздух. Красотища!

– Я прекрасно выспался. Спал как младенец, – шагая к умывальнику, сказал Штефан.

– Ты знаешь, как этим пользоваться? – спросил Виктор у иностранного гостя.

– О да! Это чудо техники! Мне посчастливилось изучить это ещё в прошлый раз. Всё гениальное просто, – потянувшись и покружив руками, сделав лёгкое подобие утренней гимнастики, ответил Штефан.

– Муклай повёл скотину на выпас, думаю, что скоро вернётся. Я видел, как он уходил в ту сторону, – показал направление Виктор. Штефан в это время яростно плескался под умывальником.

– Я подолью воды, – набрав в стоящий рядом с бочкой ковш воду, Виктор подошёл к Штефану и наполнил умывальник.

– Ооххх!! Прелесть, просто прелесть! – вытираясь на ходу и подойдя к колодцу, заглянув в него, с радостью заявил Штефан. – Кстати, я так сладко и глубоко спал, что даже сон запомнил, хотя смутно, но запомнил. Я летал во сне. Как в детстве, помнишь? Говорят, если во сне летаешь, значит, растёшь. Посмотри, не подрос ли я? – засмеявшись, пошутил Штефан. – Нет, серьёзно. Как в сказке побывал. Летал над тайгой, какой-то человек там тоже был. То ли подсказал мне что-то, то ли направил куда-то.

Слушая сон Штефана, Виктор вновь сел на пень и, задумавшись, хотел сказать, что видел во сне нечто похожее. Но из-за сарая вышел вернувшийся Муклай и невольно прервал разговор и ход мыслей его гостей:

– Доброе утро! Выспались? – пройдя мимо и оглядев Виктора, который встал перед ним, он вымыл под умывальником руки и пригласил обоих к завтраку.

– Пошли. Он завтракать зовёт.

– Да я понял, – ответил Штефан, посмотрел на удивлённое лицо Виктора и, засмеявшись, добавил: – Вот так мы с ним и общаемся, я не знаю, как он это делает.

Муклай, не отличавшийся многословием, как уже заметил Виктор, молча прошёл в дом и также, молча, накрыл на стол простой, но калорийный завтрак. Мёд, варёные яйца, лепёшки, приготовленные на кислом молоке, ягоды и масло. Снял с печи чайник и через маленькое ситечко налил в кружки травяной отвар. Знаком руки пригласил гостей к столу и сел сам:

– Всё свежее, сегодняшнее, кроме мёда и ягод, конечно. Кушайте.

Поедая взглядом Муклая, Штефан горел желанием задать сразу кучу вопросов. Как его дед провёл последнее время, что он говорил перед смертью, просил ли он Муклая поведать ему что-нибудь? Где и как его похоронили? А также множество других вопросов. Но он уже немного знал Муклая и понимал, что всё, о чём нужно рассказать, он расскажет сам. А вопросы, вопросы можно и позже задать. И поэтому он, с жадой получения любой информации, жуя кусок лепёшки, глядел в глаза старого алтайца.

Виктора не покидало желание узнать способ или технику общения Муклая со Штефаном. Он считал себя человеком, который много интересуется сверхъестественными способностями людей, изучает йогу, а также многие другие темы, которые в народе называют «эзотерикой». Но тут – Муклай, как бы обычный человек. Пусть даже потомок шамана или сам шаман. Виктор слышал очень много легенд о таинственности, мистической энергетике Алтая, о Беловодье и горе Белуха. Хотя всё это оставалось не доказанными официальной наукой вымыслами, он всё равно в это верил. Но, как часто бывает, не потрогав своими руками или не пережив что-либо сверхъестественное лично, человек это быстро забывает, как сказку из детства. Даже в детстве, бывая у деда Ивана в посёлке Усть-Кокса (это примерно в трёхстах километрах от того места, где он сейчас находился), они соседские ребята часто слышали мистические истории, связанные с шаманами. Такие истории они тогда называли страшилками. Собравшись где-нибудь на краю посёлка, они хотели создать команду, что-то вроде экспедиции, и отправиться на поиски такого шамана для того, чтобы внести в мир ясность насчёт подобных легенд. Но дальше этого ничего не происходило. Каникулы быстро заканчивались, и многие возвращались в город, к родителям. Однажды на вопрос Вити про шаманов дед Иван с удовольствием поведал внуку об этих людях, и даже сказал, что знает одного, очень сильного шамана, который живёт далеко и пешком до него не дойти. Он рассказал, что «эти люди никакие не колдуны или волшебники. Просто они знают и понимают устройство мироздания, соблюдают природную гармонию. Они учатся у природы, и некоторым из них она даёт способность, общаться с ней напрямую. Как бы телепатически». Но всё же Виктор представлял себе проведение определённого ритуала для того, чтобы шаман мог войти в состояние транса. В такое состояние, в котором он попадал на грань между мирья, и только потом мог общаться со Вселенной. «А Муклай делает это просто, в повседневной жизни. Даже в бубен ни разу не ударив», – с иронией и всё же восторженно подумал Виктор. Вспомнился вчерашний сон и даже чёткие отрывки сна, в которых он общался с каким-то незнакомцем на разных языках, но прекрасно понимал его, так же, как и тот; словно оба говорили на одном и том же языке. Вспомнилась ещё одна деталь сна. В ней он вёл разговор с иностранцем о способности человека разговаривать с собственным сердцем, слышать его. В этот момент Виктор был возвращён из воспоминаний и рассуждений в реальность. Он взгляделся в глаза Муклая и понял, что язык для него не важен. Сама речь, в виде материализованных мыслей, для Муклая не важна и, скорее всего, вторична. Он произносит слова больше для удобства Штефана. Ведь мы произносим слова по причине отсутствия других способностей передавать мысль. А он, Муклай, делает это просто. Он общается сердцем. Поэтому для него не играет роли то, на каком языке разговаривает собеседник. Видимо, он имеет способность налаживать связь между сердцами, так и происходит эффект телепатии. Муклай являлся наследником двух сильнейших шаманов – его, рано ушедшего из жизни, отца, Темира, и деда, великого шамана Амыра. Но посвящения от деда он не получал очень долго. Так сложились

жизненные обстоятельства. Поэтому проводить сложные ритуалы лечения людей он не имел права. Такова была воля деда. Перед смертью Амыр призвал Муклая к себе и кроме просьбы передать имеющиеся у Муклая знания Георгу, он сказал: «Развивайся сам, таков твой путь, но в междумирье без моей воли не иди. Молод ты ещё и неопытен. Георга научи всему, чтобы помощник был хороший и сильный. Хоть и не нашего он рода, но дух его мощный, Вселенная таких принимает. Да и человек он добрый и честный. А я приду к тебе. Явлюсь, когда придёт время тебя в междумирье отправлять». После этих слов и унеслась душа его к Роду. А лет десять назад Амыр явился Муклаю во сне. Сказал, что время приближается, и дал наказ, как действовать для подготовки к ритуалу посвящения, а потом ждать следующего прихода. После этого Муклай ушёл на две недели в тайгу. Ничего Георгу не сказал, лишь дал понять, что Амыр во сне приходил. Через две недели вернулся оборванный, голодный. Шкуру телёнка марала принёс, для изготовления бубна. Молчал ещё две недели, не ел ничего, только чай пил. У благородного животного жизнь взяв, нужно было очиститься для того, чтобы вернуть гармонию в природу. Долго ждал Муклай следующего прихода деда для посвящения. Бубен наладил хороший, прослушивал его регулярно, мочил водой колодезной, сушил над костром. Разговаривал с ним о чём-то, лишь ему и Амыру известно было, о чём. Но дедова завета не нарушал. Ждал с терпением. Георг чувствовал, конечно, что долгое ожидание томит Муклая, но помочь ничем не мог. Завет есть завет.

Для посвящения Амыр явился к Муклаю во сне, примерно за два года до появления Штефана у них в доме. Тогда Георг с утра распознал, что из дома во двор вышел шаман. Не по внешнему виду, а по глазам понял. Взгляд у Муклая стал похож на взгляд Амыра. Да и в разговоре изменился он, осознаннее стал говорить, а по пустякам вообще молчал. Лишь через месяц объяснил он Георгу, что способность у него появилась молча разговаривать.

6

Муклай внимательно взгляделся в Штефана своими небольшими тёмными глазами. Его сухое, скуластое лицо излучало уже привычное спокойствие. Как будто уловив правильный момент, он тихо, но чётко, с нотой радости за мирно ушедшего друга, произнёс:

– Георг умер в мире с собой. Он достойно прошёл свой жизненный урок и был спокоен тем, что некоторые вещи, которые он желал тебе передать, ты получишь, и они не пропадут. В тот момент, когда его сердце перестало биться, ты сам узнал от него о его смерти.

Хотя Виктор уже привык к мистике этого места, но всё же его глаза вновь расширились, и по телу пробежала дрожь. Он повторил про себя последнее сказанное Муклаем предложение и вопросительно бросил взгляд на Штефана.

– Да, в мае. Он пришёл ко мне во сне и попросил приехать к нему, но почему-то приехать только сейчас. Приехать для того, чтобы забрать некоторые вещи, лежащие в его доме, а также вернуть то, что когда-то отнял. Последнего я тогда не понял, – так же спокойно произнёс Штефан. Новая волна гусиной кожи прокатилась по телу Виктора.

Муклай не стал заострять внимание на незаданном вопросе Штефана, сказав лишь:

– Ну, раз он так сказал, значит, вернёшь, а может, и вернул уже. Время даст знак, и сам всё поймёшь. Вот ключ, держи. Теперь он твой, – вынув из выдвижного ящика стола ключ от двери, Муклай протянул его Штефану. – Заберёшь его себе. Дом не закрыт. Георг никогда не запирал дверь на замок.

Штефан держал в руке, разглядывая, как драгоценный камень, абсолютно новый и к тому же простейший ключ для навесного замка. Затем зажал его в ладони и прижал к груди. Виктор понял, что передача ключа есть ни что иное, как получение разрешения от обоих стариков войти в их мир и стать частью их жизни, включая те загадочные вещи, которые должен будет забрать Штефан из дома покойного Георга.

– Всё, что он для тебя приготовил, лежит в таком же ящике, в столе. Найдёшь сам. Ты был в его доме. Теперь это хоть и не официально, но твой дом. Если желаешь, то можешь сегодня там спать. Ну, а если не сможешь, то у меня постелено. Много рассказывать нечего. Перед уходом он сказал, что с благодарностью осознаёт тот урок, который предоставила ему жизнь, что он счастлив тем, что судьба забросила его так далеко от родины и именно здесь дала ему возможность встретиться с внуком, – кивком головы Муклай указал на Штефана. – И в конце он сказал о том, что когда-то в этом месте ему помогли выжить. И он, в этом же месте, помог выжить тебе. Ну и тебе, Штефан, также уготовлен урок. Тебе тоже предстоит кого-то спасти, – Муклай сделал небольшую паузу, отпив из кружки чаю. – Возможно, это связано с тем, что тебе говорил во сне Жора. Видимо, ты когда-то кого-то обидел или обокрал и должен будешь вернуть нечестно отнятое. Ты сам должен в этом разобраться. Последнее, что сказал Жора, звучало так: «После того, как Штефан приедет ко мне на могилу, в его жизни, связывающей его с этим местом, начнётся продолжение». Я думаю, что смысл его слов в том, что ты, получив те вещи, которые он приготовил для тебя, полностью изменишь своё мышление и вообще жизнь. Для тебя начнётся новый виток в развитии души, и вся твоя деятельность пойдёт совсем в другом направлении. Это моё предположение, и не больше. После тех своих слов Георг улыбнулся и закрыл глаза. Он придерживался древнего способа ухода в иной мир. Он не желал быть закопан в земле и просил меня сжечь его тело по древнему славянскому обычаю. Я выполнил последнюю волю покойного. Два дня горела крада. Костёр, на котором сжигают покойного, уносит душу, вместе с языками пламени, в небо, к роду. Тело, сгорая в огне, быстро теряет связь с душой и освобождает её, давая возможность эволюционировать дальше. Закопанное в землю тело долго разлагается и долгое время, хоть и на тонком волоске, но связывает душу с землёй. А душа Георга уже давно с родом, а может, уже и родилась в новом теле. Холмик со

столбиком, для памяти о нём, стоит на могилках, неподалёку от могилы Амыра. Как встанешь у ног, то по правую руку, шагов двадцать. Они были хорошими друзьями. Сварщик в селе пообещал сделать оградку. Краска у меня в сарае есть, как будет оградка, покрашу, и будет у Георга привычная могила. Я там лавочку сделал, можешь посидеть и пообщаться с дедом.

Прах, оставшийся от Георга, он попросил развеять на той самой поляне, где старая берёза. Ты знаешь, где. Это я тоже исполнил. Могила его больше символична, ведь в ней никого нет. Но, если есть памятный столб с его именем, значит, существует и связь для общения. Если желаешь, схожу с тобой. Нет, сходи сам.

Глядя на Штефана, Виктор не верил в то, что он мог понять всё сказанное Муклаем. Он хотел верить, но в этом было столько мистики, с которой обычный городской человек практически не сталкивается. Ведь Муклай рассказывал долго. И слова, они были не простые, какие мог бы понять иностранец, имеющий небольшой запас русских слов для общения. Даже то, чему он сам сегодня был свидетелем и видел, как Штефан, без всяких научных объяснений, общался с Муклаем, не давало Виктору покоя. Он уже хотел спросить Штефана, не требуется ли ему перевод, но тот опередил его, ответив Муклаю на немецком:

– Спасибо тебе, Муклай, спасибо за всё, что ты сделал для моего деда. Но я схожу к могиле сам. Я попрошу Виктора, может, он сходит со мной. Посидим там, у могилы, и вернёмся к вечеру, – повернувшись к Виктору и увидев его большие удивлённые глаза, Штефан попросил: – Сходи, пожалуйста, со мной на могилку. Тут, по тропинке вдоль ручья, это недалеко.

Они вышли на край леса, ещё оставаясь в освежающей тени деревьев. Перед ними, в низине, лежала деревня, уже залитая утренним солнцем. С минуту они молча постояли, наблюдая лёгкую, размеренную и уютную деревенскую суету. Сверху, с пригорка, была очень хорошо видна вся деревня, до самой реки.

– Как приятно наблюдать за этим покоем и красотой, – произнёс Виктор. – Так хорошо, сразу детство вспомнилось.

Штефан осмотрелся и пошёл по тропинке вправо. Виктор поторопился за ним, понимая, что ему не терпится найти памятный столб своего деда, и, вероятно, он обдумывает и переживает эту предстоящую встречу, как встречу с живым человеком. Когда они прошли несколько десятков шагов, перед их взглядом появились оградки могил.

– Вот и пришли, – произнёс Штефан, остановившись у одной из могил. Оглядевшись по сторонам, он произнёс почти уверенно: – Кажется, это было с этого края. – И, указав рукой направление, сказал: – Если мне не изменяет память, то это должна быть она. Могила Амыра.

Они прошли между нескольких могилок, и Штефан остановился у одной.

– Да, это она. Здесь похоронен Амыр. Прочти, пожалуйста.

Обратившись к Виктору, Штефан продолжал идти и на ходу, чуть слышно, считал шаги. Виктор прочёл имя и дату смерти.

– Ты, наверно, как и я, заинтересовался отсутствием даты рождения? – уходя дальше, спросил его Штефан.

Виктор, догнав его, предположил:

– Я думаю, что никто точно не знал, когда он родился. А те, кто знали, давно умерли. В те времена, тем более здесь, в глуши, вдали от цивилизации, записывать дни рождений приходило в голову в самую последнюю очередь.

Штефан внезапно остановился у могильного холмика со столбиком, рядом с которым рос какой-то куст. На столбике чем-то было выжжено имя «Георгий» и дата смерти. Поняв, что его спутник стоит у могилы своего деда, Виктор остановился в нескольких метрах, облокотившись на оградку соседней могилы, и, не желая тревожить двух нашедших и потерявших себя здесь, на Алтае, иностранцев, просто стоял и наблюдал. Он ещё не знал всей предыстории того, как Георг оказался, прожил всю свою жизнь и был похоронен здесь, на Алтае. Он имел лишь пару своих догадок по этому поводу. Можно было бы предположить, что во время войны Георг

оказался в плену, а после, не важно, по каким причинам, остался в СССР. С другой стороны, трудно представить, как европейец, пусть даже военнопленный, оставшись жить в Советском Союзе, очутился в такой глуши, вдали от цивилизации. Он мог бы жить в каком-нибудь городе, это было бы логичней. А может, он был в этих местах в заключении и не имел права выехать за пределы региона.

Это были лишь доводы, и Виктор не хотел делать из них никаких выводов, да и не имел такой цели. Он прекрасно знал, что если кто-то захочет ему об этом рассказать, то расскажут, а нет, так и не его это дело. В конце концов, он всего-навсего помог Штефану добраться до этого самого места, и, в принципе, миссия его подошла к концу. Но во всей этой истории проявлялось зарождение дружеских отношений. Несмотря на то, что оба практически не знали друг друга, Виктор чувствовал сердцем, что Штефан несёт в себе длинную, загадочную, а может, даже мистическую историю. Ну, а если случилось так, что Виктор по воле судьбы стал маленькой частью этой истории, значит, должно быть дальнейшее развитие. Только вот что это будет за развитие, Виктор пока не мог предположить.

Тем временем Штефан, как будто у постели, в которой лежал его дед, присел на корточки с левой стороны от того, что называлось могилой, и, положив правую руку на землю холмика, смотрел на белые ленточки, привязанные к ветвям куста, растущего прямо в изголовье, как в глаза своего деда. Их было несколько десятков, и они колыхались на тёплом ветру, как бы приглашали своим белым цветом на добрый, светлый разговор. Штефан начал говорить. Он говорил то с кустом, то со столбиком, на котором было написано имя его деда, будто он видел в них живого Георга. У Виктора, наблюдавшего со стороны, создалось впечатление, что Штефан специально приехал из Европы на Алтай, чтобы выразить бесконечную благодарность уже покойному деду. Человеку, с которым он виделся всего несколько дней в его жизни, но в эти несколько дней получил от деда что-то такое, чего он никогда не имел, и не мечтал иметь, несмотря на его богатую жизнь.

Виктор задавался вопросами: «Что это может быть? Каким был этот короткий, как вспышка молнии, для них обоих момент жизни, который, очевидно, перевернул весь жизненный уклад преуспевающего европейца?» А Штефан тем временем, не отрывая взгляда от ленточек, видимо, найдя в них связь с духом умершего или просто взирая на них и вовсе не ища никакой связи, вслух говорил. Он говорил Георгу о том, как видел его во сне, когда тот сообщил о своей предстоящей смерти. Спрашивал о том, почему нужно было приехать именно сейчас, а не раньше. Ведь он застал бы деда живым, и они могли бы увидеться. Затем на некоторое время он замолкал, как будто выслушивая ответ деда, и вновь продолжал говорить. Сказал, что Муклай дал ключ от его дома, достав его из кармана, молча рассматривал его. Что Муклай рассказал всё о последних минутах жизни деда и о предании тела огню. О том, что с нетерпением ждёт того момента, когда возьмёт из выдвижного ящика стола те вещи, которые унаследовал от деда. О том, что ему понадобилось длительное время для переоценки своего жизненного уклада и что он сделал множество важных выводов, поменявших его миропонимание.

Затем Штефан повернулся к Виктору и произнёс слова, которые тронули его сердце. Указывая рукой на Виктора, как бы представляя его кому-то, он продолжил:

– Дед, познакомься, пожалуйста, это Виктор. Я считаю его моим лучшим, а, впрочем, единственным другом, хотя знакомы мы всего несколько дней. Он помог мне добраться к тебе, – и, засмеявшись, добавил, – с комфортом, на автомобиле. Он провёз меня через красивейшие места Алтая. Ты представляешь? Он не знал меня, а я не знал его. И этот человек предложил свою помощь после того, как со мной приключилась дорожная оказия. Какая, не важно. Да ты и сам уже знаешь. Лишь за последние два дня я понял, что значит дружба. Понимаешь, дед? Мне уже за сорок, а я лишь сейчас почувствовал, что такое дружба!

По щеке Штефана потекла слеза радости от того, что он ощутил это чувство – иметь друга, надёжного друга. В то же время это была слеза горестного осознания тех лет его жизни, в которые ему не было известно это чувство.

– Ты знаешь, – продолжил Штефан, вновь глядя на белые ленточки, – я полюбил это слово, я понял его смысл. Потому что у меня дома, у нас, в Европе, в нашей «цивилизованной и нравственной» Европе вряд ли нашёлся бы человек, который повёз бы Виктора за пятьсот километров на собственном автомобиле, просто чтобы помочь. И обидно осознавать то, что если бы даже такой человек и нашёлся, то другие, узнавшие об этом, назвали бы его идиотом. Ну и ладно, бог с ними. Я хотел тебя вот о чём спросить. Ты не будешь против, если я расскажу Виктору всю нашу историю? С самого начала.

На мгновение он замолчал и стал ещё более внимательно вглядываться в развевающиеся ленточки, ожидая ответа. Через несколько секунд он чуть слышно добавил:

– В нём бьётся чистейшее сердце, и он может с ним общаться. В эти дни он стал для меня, как ангел-хранитель, – совсем тихо прошептал Штефан, и Виктор не услышал этих слов. Они были адресованы только Георгу. – А то, что Виктор способен разговаривать с сердцем, я видел сегодня ночью, во сне. Я запомнил его очень хорошо и сейчас расскажу тебе, – уже весёлым голосом и воспрянув, проговорил Штефан. – Слушай. Сегодня ночью мы спали в доме Муклая, он нам у себя постелил. Так вот, под утро мне приснился очень странный сон, где я, как бы паря в воздухе над лесом, ну, как это бывает в снах, когда летать можешь, вижу ещё одного человека. Он тоже парит над деревьями. Я, как лёгкая пушинка, от дуновения ветра подлетел к этому человеку, а он показывает мне рукой над лесом направление и говорит: «Лети туда, а по пути кедры и звёзды покажут тебе точный путь». Интересно то, что там, во сне, я точно знал, что этот человек хочет мне помочь и говорит правду. Я не знаю как, но чувствовал, что он говорил сердцем, которое наполнено верой, и поэтому оно сильное. И хотя я не знал, зачем он меня туда направляет, всё же полетел туда. Что-то мне подсказывало – раз он сказал сердцем, значит, ему нужно верить, ведь оно не может обмануть и сделать кому-то плохо.

Отдалившись от него на приличное расстояние и осмотревшись по освещённому луной и звёздами ковру кедровых вершин, над которыми я летел, вдруг увидел изумительное зрелище. Звезда упала с ночного неба и медленно спустилась вниз, меж деревьев, зовя меня за собой. Продолжая парить, медленно, не теряя её из вида, я спустился вниз, на землю, и увидел уже не звезду, а летающего маленького светлячка, который прошептал мне своим тонким голоском: «Ничего не бойся и следуй за мной». Он долго летел передо мной, иногда пропадая в темноте, но затем вновь зажигался поодаль от меня и, подзывая, просил не отставать. Это было как в сказке из детства. Это просто волшебство. Представляешь? В таком возрасте увидеть во сне сказку, да ещё и поверить в неё. Чудо просто! Я шёл за ним не задавая вопросов, а самое главное, даже не удивляясь происходящему со мной. Светлячок вывел меня к деревне и, остановившись у одного из домов, прошептал: «Войди в дом и найдёшь то, что забрал и потерял» и, тут же перестав светиться, исчез в темноте. Я огляделся по сторонам. Вся деревня спала, но в этом доме светились окна, несмотря на глубокую ночь.

У крайнего, углового окна, чуть выше, я увидел еле заметную табличку, прикреплённую к стене дома. Даже сумел прочесть: «Первого Мая». А рядом была ещё одна, маленькая. На ней была цифра четыре. Я понял, хотя плохо умею читать на русском, что это было название улицы и номер дома. Я прочёл эту надпись как бы не читая её. Просто понял, что написано. Сон ведь.

Услышав рассказ Штефана, Виктор тут же вспомнил и увидел перед глазами свой сон, но он был как отражённый в зеркале. Те же события, но глазами Штефана, да ещё и с продолжением. Тихо, спокойно, глядя себе под ноги и стараясь не шуршать травой наступая на неё, он подошёл к лавочке и присел у самой могилки. «Да, в этой истории, да и вообще в этом месте действительно присутствует огромная, какая-то мистическая энергия». – Подумал Виктор и с любопытством продолжил слушать рассказ Штефана.

– Ты слышал, о чём я начал рассказывать? – повернувшись к нему, спросил Штефан.

– Да, да, продолжай, пожалуйста. Что было дальше?

Штефан развернулся так, чтобы он мог видеть и Виктора, и могилу, продолжил:

– Моя сумка – украденная на вокзале, была в этом доме. Я её видел. И ещё мне кажется, что во сне я видел эту вот деревню, – кивнув головой в сторону низины, в которой лежала деревня, добавил он. – И деньги тоже видел, они тоже были в этом доме. Нужно пройти в деревню и посмотреть, есть ли там улица Первого мая и дом номер четыре. Уж слишком реалистично я всё это видел, правдиво, но и сказочно, конечно, тоже. Но правдивость этого сна, вернее, почему я так верю в то, что видел ночью, заключается в том, о чём вы ещё не знаете и не догадываетесь.

Вопросительным взглядом Виктор попросил Штефана не тянуть и продолжить рассказ.

– Я стоял у того дома и не знал, что делать. Под каким предлогом я мог бы в него войти? Да и что я там должен был найти? Но эти мысли покинули меня очень быстро, так как какая-то сила, как ветер, приподняла меня над землёй и сквозь стену провела меня в дом. Я очень напугался, когда подлетел к стене. Думал, расшибусь, и прикрыл лицо руками, но даже не заметил, как оказался внутри дома, посреди комнаты. Это, видимо, была спальня, так как, несмотря на темноту, я увидел в углу комнаты кровать, на которой спала женщина с очень болезненным видом. Я даже слышал по её дыханию, что она очень сильно больна. Скажу больше, я почувствовал на своём теле и внутри его, её смертельную болезнь, поняв, что без серьёзного медицинского вмешательства она не выживет. В то же мгновение меня понесло через комнату к двери, из-под которой пробивался свет, а за ней слышался мужской голос. Там были люди, а меня несло туда, и я не был готов предстать перед ними так внезапно; тем более не зная, зачем я пробрался в этот дом. Я вновь закрыл лицо руками, напугавшись предстоящего удара о дверь. Но и в этот раз прошёл сквозь неё, не причинив себе никакого вреда; очутившись в просторной комнате, освещённой маленькой, старой и, как сейчас помню, оформленной прозрачными пластмассовыми сосульками люстрой. Там сидели три человека, и ни один меня не увидел. Я был для них невидим. Это чувство невидимого присутствия среди людей, в их доме, принесло мне неприятное чувство. Я ощущал себя привидением или духом каким-то, невольно ворвавшимся в чужой дом и подслушивающим разговор чужих людей. Постояв некоторое время посреди комнаты и полностью убедившись в том, что меня действительно не видят, я прошёл вдоль дивана, на котором сидел мужчина, и тихо присел на стул. Он был лет пятидесяти, алтаец, с сильно загоревшим, скуластым лицом, огрубевшими руками. Одет он был в старенькую, клетчатую, с протёртым воротом и дыркой на локте рубашку. Напротив него сидели два парня, как я потом понял, его сыновья. Один из них был тот самый, с бийского вокзала. Сидя на стуле, я мог очень чётко разглядеть их лица, и первое, что мне бросилось в глаза, это были стыд и грусть. А ещё через несколько минут я понял, что был прав и почему им было стыдно и в то же время грустно.

На полу, у ног мужчины, стояла моя сумка, на ней лежал мой бумажник, а на нём лежали вынутые из него деньги. Как я догадался из их разговора, они были вынуты как вещественное доказательство при проведении какого-то расследования. Это и было расследование. Отец допрашивал своих сыновей. Увидев мою сумку, я обрадовался тому, что смогу наконец-то надеть свежее бельё, переодеться, да и деньги вроде все были на месте. Появился я в этой комнате точно к началу разговора. Как будто они ждали моего появления и не начинали без меня. Я услышал всё, что мне нужно было услышать, всё то, для чего меня отправил туда тот человек, летающий над лесом. А ещё я понял, почему дед попросил меня приехать именно сейчас. Пока я не пришёл в состояние готовности слушать, они находились как бы в режиме паузы. Как только я взглянул на мужчину, он тут же, будто очнувшись, начал говорить, обращаясь к сыновьям. Выяснилось, что эти два парня лишь за очень короткое время до моего появления в их доме вошли в дом, а отец не спал и ждал их, так как было уже поздно и он очень переживал, не зная, где они находятся. Войдя на веранду, один из них, старший, решил там спрятать мою

сумку под лавкой. Но в этот момент вышел их отец, увидел это и заставил показать то, что он там прячет. В общем, он забрал сумку, вошёл в дом и позвал сыновей пройти за ним в ту самую комнату, где я и очутился.

Этот отец семейства строго или даже, можно сказать, жёстко спросил сыновей, что это за сумка и чья она. Спрашивая их, он был уверен в получении честного ответа, и он его получил. Если честно, я думал, что оба брата начнут выдумывать историю для того, чтобы выкрутиться из ситуации, но нет. По их лицам в той ситуации было чётко видно, что они и врать-то не могут. Я даже подумал, что они и сами бы всё рассказали, даже если бы отец и не застал их в тот момент. Возможно, некоторое время спустя, но рассказали бы всё отцу. Видимо, таково было воспитание в этой семье. Их глаза действительно были наполнены стыдом и позором, но и отчасти уверенностью и готовностью ответить за совершённый проступок. Во-первых, от совершённого преступления, во-вторых, от того, что они нигде не попались и, лишь добравшись домой, были моментально разоблачены родным отцом, который за всю жизнь не взял ничего чужого.

Младший из них с досадой вспоминал о том, что было в Бийске, после кражи. Они тогда убежали и встретились в уговоренном заранее месте, на замороженной стройке дома, где их никто не видел, затем исследовали содержимое сумки и нашли деньги, и он советовал своему старшему брату взять лишь деньги, а сумку бросить там же. Ведь сумка может привлечь внимание. Но старший брат есть старший брат. Он взял сумку и сказал, что «она тоже пригодится. Смотри, какая хорошая, фирменная».

А ведь я мог и на автобусе поехать. Получается, что с этими ребятами бы поехал и, возможно, заметил бы их и сумку мою. А возможно и то, что перед посадкой в автобус они могли бы меня увидеть и не поехать этим рейсом, оставшись в Бийске до утра, дожидаясь следующего автобуса. И тогда, тогда было бы всё по-другому. Может, и сна бы этого не было, и не знал бы я, где и у кого искать мои вещи. Получается, что всё произошло так, как должно было произойти. А дальше, вследствие объяснения совершённого ими поступка, я понял, что и кража должна была случиться. Всё произошло по великому плану, и теперь я понимаю всю логику того, что ты мне сказал, – обратившись к могильному холмику, а затем вновь взглядевшись в ленточки на ветках куста, с явным восторгом произнёс Штефан.

– После поставленного отцом вопроса прошло секунд десять. Старший брат, считая себя полностью ответственным за совершённое преступление, перебирал в голове варианты ответа. Вернее, варианты начала ответа. Затем прозвучал такой же уверенный и конкретный ответ, каким был и вопрос. Глядя прямо в глаза отца, он произнёс: «Я украл сумку, чтобы добыть деньги. Это была моя идея, и я втянул в это дело брата. Вся ответственность лежит на мне». Но силы глядеть отцу в глаза хватило лишь до этих слов. Ему стало невыносимо стыдно перед отцом и перед матерью. Он знал, что отец ни при каких обстоятельствах ничего не расскажет своей жене о проступке сыновей. Но ему было больше стыдно перед больной мамой. Он отвёл взгляд в сторону: «Сумка и вещи, которые в ней, не нужны. Нужны лишь деньги. Деньги на лечение мамы. Я понимаю всю подлость того, что я совершил, да и брата ещё втянул. Просто я не знал, как вернуть те деньги... Те, которые я взял в спальне, в шкафу под бельём. Те, которые вы копили на машину и которые ты, – он поднял взгляд и посмотрел отцу в глаза, – собирался заплатить за мамину операцию. Я их... Вернее, я хотел...» Отец резко перебил его: «О каких деньгах ты говоришь, о тех, которые у нас украли?» Уже понял, что его сын чем-то причастен к краже денег, которые они с женой так долго копили и которые были три года назад украдены. Но он всё же надеялся на оговорку сына или на то, что он ослышался. Да и как, где и на что его сын мог потратить все деньги? В его голове многое не укладывалось. Перед ним сидел его старший сын, который с самого детства был опорой для родителей. Он всегда хорошо учился и ответственно относился к ведению домашнего хозяйства. Отец никогда не замечал за ним склонности к расточительству ни в чём. Отец всегда знал, что для его сына

домашнее благополучие, честь семьи и уважение родителей были первыми правилами, которых он всегда придерживался. А самое главное, что все эти правила его сын выработал себе в большей степени сам.

Когда заболела жена, сын взял в институте академический отпуск, чтобы помочь отцу по хозяйству, да и подзаработать денег на лечение матери. В голове отца затрещали шестерёнки, когда он услышал слова родного сына: «Я украл её». – «Так, стоп! – возбуждённо, поймав себя на этом и пытаясь успокоиться, произнёс отец. – Пожалуйста, начни всё сначала. Я не могу понять причину кражи и пропажи наших денег. Я не пойму и не верю тому, что ты говоришь. Должно ведь было что-то произойти, заставившее тебя, моего сына, пойти на преступление. Мне важно знать причину. Понять её! Расскажи всё по порядку, в твоей честности я не сомневаюсь. Хотя стой. Скажи просто, ты украл наши деньги?» – «Да, – опустив глаза в пол, ответил сын. – В общем, я ехал на автобусе из института в общежитие. Сидел у окна и, проезжая мимо какого-то банка, прочёл большой рекламный плакат. Содержание его говорило о вкладах под хороший процент, до девяти процентов. Тогда мама ещё не болела. В общем... подумал о том, что у вас есть накопленные деньги. Даже знал, сколько. Семь тысяч долларов. Вышел на следующей остановке, вернулся назад, к этому банку, и ещё раз внимательно прочёл, что они предлагали. Затем вошёл в банк, и меня там проконсультировали. Должен теперь сказать – теперь, когда всё уже получилось так, как получилось; я видел в их глазах обман. Но, видимо, не придал этому большого значения. Не думал, что так всё выйдет». – «Что так выйдет?» – опять раздражённо спросил отец, перебив сына. – «Сейчас всё расскажу, – спокойно и всё ещё опустив взгляд в пол, ответил сын. – Я приезжал тогда на выходные домой и хотел с тобой поговорить об этом. Но как-то, положившись не на сердце, а на ум, допустил ошибку. Я ошибся, подумав, что ты всё равно в этих финансовых делах ничего не понимаешь и, не доверяя ничему новому, всё равно не согласишься на вклад. Тогда я взял деньги без спросу и положил их на фондовый счёт. Как мне объяснили, деньги должны были работать через основной, материнский, швейцарский банк, Swissinvest Bank в европейской промышленности. А там всё стабильно и нету никаких рисков. Они ещё сказали: «Вы ведь понимаете, деньги будут работать в Европе, а там ведь всё стабильно и качественно». Я и поверил. Да ведь так и есть. Там ведь действительно очень качественная продукция, я и подумал, что и вклад туда будет надёжным. Так же они сказали, что «можно регулярно заходить и контролировать развитие фондовых рынков». Через три месяца этого банка не стало. Я пришёл туда, а там пустое здание. Ну и концов я так и не смог найти. Не стало и наших денег. Мне предложили взять адвоката, но на это не было денег. Единственное, что мне удалось узнать, так это то, что директора этого банка застрелили на охоте. Какая-то бригада, руководителя которой так же кинули на большую сумму в этом банке. Там всех расстреляли тогда, и директора, и всю его компанию. Ещё слышал, что все вклады, которые принимал этот банк, ни в какие европейские фонды не попадали. Они просто оставались у банкира и его команды. Чистый обман. А банк был действительно филиал швейцарского Swissinvest Bank. Тогда я приехал на вечернем автобусе к нам в деревню и, спрятавшись в лесу, переждал до утра. Ждал, когда вы все уйдёте из дома. Незаметно, чтобы соседи не видели, зашёл с задней стороны, разбил окно, вошёл в дом и инсценировал ограбление.

Потом заболела мама. И теперь, когда ей необходима операция, я решил таким образом вернуть хотя бы часть денег для её лечения».

Отец прервал его: «Ты представляешь, сколько бы тебе пришлось воровать, чтобы наворовать такую сумму? Или ты уже давно воруеть?» – «Нет, это первый раз, – тихо уверил отца сын. – И последний», – добавил он, полностью осознав свой проступок.

Я уже не буду рассказывать далее, что происходило в этом сне. Это был очень долгий разговор отца с его детьми. Скажу только конец всей этой истории. Они сегодня на автобус пойдут, который, как я понял, идёт днём в три часа, в сторону Бийска. Хотят там в милицию пойти и сдать всё, как найденное. Я думаю, что ты уже догадался о том, что мой сон был сплетён

с реальностью. И я уверен, что в этой деревне есть такой адрес и там живут эти люди. Прошу тебя сходить со мной в деревню и отыскать их. Иначе эти ребята могут пострадать. Ведь в милиции им могут не поверить. Их могут заподозрить в воровстве, и бог знает, что выйдет из их затей.

Виктор спокойно смотрел на возбуждённого своими мыслями Штефана, который собирался побеспокоиться о ребятах, ограбивших его.

– Да, конечно, пойдём поищем. Почему ты за них так переживаешь? Они ведь тебя ограбили, не ты их, – спросил Виктор, ожидая получить в качестве ответа примерно следующее: «Они молодые и совершили ошибку. Ведь они её осознали, и уверен, что больше не повторят ничего подобного». Но услышал Виктор совершенно не то, что ожидал. И от этого у него по телу в очередной раз побежали мурашки:

– Понимаешь? Это не они меня обворовали. Ты ведь слышал, как я говорил о том, что Георг, явившись ко мне во сне, сказал, что я должен буду что-то вернуть. Так вот, это и есть то, что я должен был вернуть. Они всего-навсего вернули то, что изначально принадлежало им. Понимаешь? Этот парень рассказывал о моём банке, понимаешь, о моём. О Михаиле Шляйхере, которого расстреляли в тайге. Он был моим партнёром и руководителем филиала моего банка. Я тебе о нём уже рассказывал в дороге. Помнишь? Я, честно, не знал, чем он тут промышлял с деньгами вкладчиков, честно. Это я ограбил этих и, видимо, многих других людей. И теперь я понял, почему Георг, наказал мне приехать именно сейчас, а не раньше. Потому, что эти парни решились на ограбление лишь сейчас. Георг просто всё знал, до минуты знал. И он знал, кому я смогу вернуть деньги для спасения жизни.

По щекам Штефана текли слёзы восторга. Виктор также не мог поверить тому, что находится в сказочном сюжете, где добрый волшебник начал побеждать злого. Штефан быстро поднялся и, взглянув на часы, спросил Виктора:

– Пойдёшь со мной? С тобой мне будет легче и быстрее отыскать этих людей.

– Да, конечно, идём, – с готовностью, поднявшись со скамейки и похлопав Штефана по плечу, ответил Виктор.

– Благодарю тебя за этот твой последний урок, который ты преподавал мне! – утирая слёзы восторга, обратился Штефан к деду. И они пошагали по тропинке вниз, в направлении деревни.

7

– Вы ищете кого или туристы? Заблудились, что ли? – окликнула со двора шагавших вдоль забора и растерянно вглядывающихся в дома двух прохожих крупная женщина в домашнем халате, фартуке и завязанном назад цветном платке.

– Добрый день! Хорошо, что вы сами спросили, а то я думаю, стоит ли вас тревожить. Вы, смотрю, маринады делать собрались, банки моете.

Женщина вытерла мокрые руки, которыми только что полоскала в корыте банки, и молча приблизилась к подошедшему к калитке прохожему.

– Смотрю, незнакомые какие-то, может, ищут кого, думаю. Тут часто туристы проходят, а дом наш крайний, поэтому часто приходится в справочное бюро играть. – женщина обернулась, посмотрела на свои банки и, ничего не ответив на вопрос о маринадах, вновь спросила: – Так вы что ищете? Там, смотрю, на дом глядели, на соседский, теперь на мой. И на туристов вроде не смахиваете, без вещей, налегке. Помочь чем? Или мужа позвать?

– Да вы не переживайте, можете и мужа позвать, если хотите. Мы, ну, можно сказать, туристы. Мы там, на холме, в лесу, у деда Муклая остановились. Знаете такого? Заимка у него в километре отсюда.

– А! Ну да, знаю, конечно. Муклая тут все знают. Подлечиться приехали, значит?

– Можно так сказать, подлечиться.

Женщина прошила взглядом прохожего и поняла, что не лечиться они приехали.

– Подождите минутку, мужа позову.

– Ну смотрите, я в принципе дом ищу, на улице Первого мая.

Уходя, женщина обернулась и сказала на ходу:

– Сейчас мужа позову, он и покажет.

Из-за дома вышел бородатый крупный мужик в камуфляже и замызганной вязаной шапочке. Быстрым хозяйским шагом, с прямым хмурым взглядом, устремлённым в глаза, подошёл к стоящим у калитки прохожим и с ходу спросил:

– Что надо?

Следом из-за дома вышла его жена и, подойдя к корыту, вновь принялась полоскать банки, не отводя взгляда от мужа и двух незнакомцев.

– Здравствуйте. Я хотел спросить, нет ли в вашем селе улицы Первого Мая? Мы ищем дом номер четыре.

– Тебя Муклай послал, что ли? Жена сказала, вы от Муклая.

– Да, мы у него остановились, но дом этот мы ищем сами. Он нас не посылал.

Мужик положил вымазанные мазутом руки на забор и посмотрел вдоль улицы.

– А что, знакомые какие, или что ищете дом-то?

– Вы не переживайте, или мы так подозрительно выглядим? Скажу как есть. Это мой друг из Швейцарии, – повернувшись ко второму, в стороне стоявшему прохожему, сказал Виктор. Тот тут же с немецким акцентом поздоровался и медленно подошёл поближе.

– Гутен таг, – так же спокойно, лишь краем глаза поглядев на иностранца, ответил мужик. Вынул из кармана штанов уже измазанную мазутом тряпку, вытер ею руки и, открыв калитку, вышел на улицу, к собеседникам.

– Он ищет этот дом и хотел бы поговорить с его хозяевами. Это личный вопрос. Понимаете? А я его переводчик.

– В нашем селе всего две улицы и два переулочка. Ленина да Первого Мая, – шагая вперёд вдоль забора и продолжая тереть руки тряпкой, произнёс мужик. Штефан с Виктором последовали за ним:

– Так что, есть такой дом в вашем селе?

Мужик остановился и осмотрел обоих.

– Я не пойму, пришли в село поговорить с человеком, но не знаете, есть ли дом этого человека в этом селе? Вы что-то странные какие-то.

– Да, должен согласиться, но он просто не знает, точно в этом селе этот дом или нет. Забыл он уже.

– А что, бывал он уже здесь? Что-то я не припомню его. В последние несколько лет точно не видел, – вновь направившись по улице вперёд, ответил мужик. Пройдя ещё метров двадцать, он остановился у переулка:

– Вот туда по переулку пройдёте, до конца. Вон там, где стог сена большой слева. Видишь?

– Да. Вижу.

– Вот. За ним налево и по улице до конца. Почти до реки. Там с правой стороны смотрите. Ещё вопросы есть? – И, не дождавшись ответа: – Ну если нету, то бывайте, иностранцы. Муклау привет передавайте.

– Спасибо большое! Привет обязательно передадим. А от кого сказать?

Мужик, лишь слегка обернувшись, на ходу:

– Из крайнего дома.

Штефан хотя и не понимал, о чём шла речь, всё же догадался, что люди здесь осторожные, но добрые.

– Провёл, даже показал, куда идти, хотя и не понял, что мы ищем.

– Да мы и сами-то не знаем точно, что ищем, – засмеявшись, произнёс Виктор.

– Ну что? Есть такой дом?

– Да вроде есть. Через этот переулок и там влево, к реке. Так он сказал, – параллельная улица оказалась длинной и вела всё время вниз. – Вот, восьмой, шестой. Вон он, четвёртый. Последний. Или первый? Интересно. Вроде дальше домов нет, а где же тогда второй дом?

Подойдя к дому номер четыре, Штефан остановился и застыл, как будто во сне. Виктор стоял рядом, и спокойно, понимая, что тот сейчас ощущает, ждал. Штефан медленно прошёл вдоль дома и, немного повернув за него, вновь замер:

– Точно. Всё так и было. С этой стороны. Я вошёл в него с этой стороны. В эту стену. Вот и та табличка – Первого мая, четыре.

По телу Виктора гусиной кожей пробежала дрожь. Он так же стоял, не веря в то, что говорил его иностранный знакомый. Но вслух произнёс:

– Хоть верь, хоть не верь, а всё сбывается. Ну что, пошли стучаться?

Мимо, громко тарахтя и прыгая по высохшим ухабам улицы, проехал трактор и вернул Штефана в реальность.

– Что ты говоришь? Я не услышал.

– Пойдём, говорю, в двери стучать.

Штефан стоял и не двигался с места, глядя на боковую стену дома. Он что-то вспоминал, а по его лицу было видно, как он переживал свои воспоминания. Тем временем Виктор уже хотел подойти к калитке, как в окне показался силуэт мужчины.

– Нас уже увидел хозяин дома, сейчас выйдет, наверное. Иди сюда, не стой там в стороне, а то он нервничать ещё начнёт.

Не успел он договорить, как открылась дверь дома и на улицу вышел невысокий мужчина-алтаец. Посмотрев на стоящего у калитки Виктора, он слегка наклонился и, вытянув шею, посмотрел туда, откуда медленно приближался Штефан.

– Ты чего там ищешь? – взволнованно, с небольшим акцентом, спросил он незваных гостей.

– Здравствуйте! Мы к вам по делу. Можно войти?

Мужчина прикрыл за собой дверь, спустился с крыльца и с явной растерянностью, и даже с лёгким испугом произнёс:

– Чего надо? Говори быстро. Времени нету много.

Между делом он посмотрел в окна соседних домов, будто хотел убедиться в том, видит ли их кто-нибудь или нет.

– Если комнату ищите для ночлега, то я не сдаю. Нету у меня свободной. Туристы часто на параллельной улице, у тётъ Маруси останавливаются. Она живёт одна, и место у неё имеется. Так что не могу вам помочь. А мне собираться надо. Автобус скоро. Мне в Бийск ехать, поэтому опоздать на автобус не могу.

– Да нет. Мы не комнату ищем. Мы у Муклая в лесу остановились, и с жильём у нас проблем нет. Вы, наверное, знаете Муклая? У него дом там, на холме, недалеко отсюда.

Мужчина слегка успокоился. Было чётко видно, как с лица спало напряжение, и он, даже чуть улыбнувшись, ответил:

– А! У Муклая! Я его хорошо знаю. На лечение значит, приехали? Он хорошо правит. Жёну мою долго лечил. Рак у неё. Сказал, что сама она сопротивляется. Не даёт она её духу вылечить тело. Я в этом не понимаю, – слегка кивнув головой в сторону дома, – лежит дома, в комнате. Не знаю, как долго ещё. Он, что ли, просил передать чего?

– Нет. Муклай ничего не просил передать. Мы здесь по личному делу. Муклай и не знает даже, что мы к вам пошли.

Мужчина вновь напрягся. Вновь тревога возникла на лице.

– Так ты говори скорей, я же сказал тебе, времени мало. Чего надо?

– Вы понимаете, – начал Виктор, – дело очень деликатное. И возможно, если мы обговорим его, то вам и в Бийск ехать не придётся.

– Причём тут Бийск? Откуда ты знаешь, зачем я туда еду? Муклай сказал, что ли? Или что? Не пойму тебя. Что ты хочешь? Милиционер, что ли? Я ничего не натворил, честный всю жизнь.

– Да я и не сомневаюсь в том, что вы честный. Вот этот мужчина, – указав ладонью на Штефана и глядя в глаза хозяину дома, – приехал из Швейцарии. Он не разговаривает на русском, поэтому я перевожу для него. Ехал он поездом из Москвы до Бийска. И после прибытия, на Бийском вокзале, ну, так получилось, что его ограбили.

Алтаец забегал глазами и осмотрелся вокруг. Затем подошёл к забору и оглядел улицу. Было заметно, как он не хотел, чтобы этот разговор слышали соседи или кто другой.

– Может, мы войдём в дом или присядем? Мне кажется, а мой друг уверен, что нам с вами есть о чём поговорить. И разговор наш, мы – я уверен, и вы тоже – хотели бы оставить лишь в нашем узком кругу. Независимо от результата нашего разговора, он, останется между нами. Мы не из милиции, не переживайте. Я работаю в Бийской школе учителем, а этот молодой человек, – Виктор вновь указал на Штефана, – вообще не гражданин нашего государства. Поэтому не переживайте. Вам ничего не грозит, а также никто ничего не предъявляет.

– Я его не грабил. Что хочешь от меня? – сильно разволновавшись и выдавая трясущимися руками возможную причастность к озвученным событиям, произнёс хозяин дома. – Я в жизни моей ничего не украл! И в Бийске я был последний раз года два назад. Что хочешь?

Виктор объяснил Штефану, что хозяин дома об этой истории ничего не знает и не хочет знать: «То, что касается его явного волнения, так ведь каждый человек разволнуется, если его в чём-нибудь обвинить».

– Ладно. Я буду продолжать. Извините. Но я должен был перевести моему другу то, о чём мы с вами говорили. Не буду ходить вокруг да около и приведу вам наше главное предположение. У вас есть два сына, которые несколько дней назад были в Бийске и приехали оттуда с чужой сумкой. Сумку эту вы у них забрали и обнаружили в ней, кроме личных вещей этого гражданина, бумажник с большой суммой денег. Вы обсудили это с вашими сыновьями и,

выяснив, что они приобрели её нечестным путём на Бийском вокзале, решили сегодняшним автобусом поехать туда и сдать сумку в милицию, как найденную. Поэтому я вам и говорю, если мы сейчас обсудим этот вопрос, то и ехать вам действительно никуда не придётся.

Хозяин дома молча, с полным недоумением, глядел то на одного, то на другого из незваных гостей.

– Ты что это? Как это ты? Как кёрмёс, как призрак, что ли? Откуда всё знаешь? Никого дома не было вчера. Я только с сыновьями был. Откуда знаешь? Кёрмёс!

Пришедшие спокойно глядели на удивлённого хозяина дома и ждали согласия на разговор.

– Ты как, подслушал вчера, что ли? Как узнал? Не пойму.

Вновь он некоторое время глядел на своих собеседников, и по его взгляду стало понятно, что он чувствовал себя загнанным в угол. Но, кроме этого, явно просматривалась его неопытность в подобных ситуациях. Его изредка потряхивало от волнения, и постоянно тряслись руки. Было видно, что в такой ситуации он оказался впервые, и сам лично к краже не имел никакого отношения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.